Кодекс самурая

Автор:
Макс Глебов

Кодекс самурая

Макс Алексеевич Глебов

Запрет на вмешательство #6

Появление в Солнечной системе автоматического корабля-разведчика неясной принадлежности полностью меняет расклад сил на Земле. Тщательно выстроенный план, воплощению которого в жизнь, казалось бы, уже ничто не может помешать, теперь остается только выбросить в мусорную корзину. На сцену выходят совершенно другие силы, за которыми стоят не менее продвинутые технологии, чем те, что имеются в распоряжении генерала Нагулина.

Макс Глебов

Кодекс самурая

Глава 1

– Малый разведчик начал передачу кодированного сигнала, – доложила Летра, когда я уже выбрался из кабины «Ила», – Возможно, я сильно заблуждалась по поводу его принадлежности к мятежникам.

– Не тяни. Что он передает?

– Судя по всему, это заранее записанный сигнал бедствия. Автоматические разведчики не предназначены для пилотируемых полетов, но у этого корабля, похоже, есть пассажиры. Если верить сообщению, в грузовом отсеке установлены две медкапсулы с людьми, погруженными в состояние низкотемпературного сна. Не понимаю, как они впихнули туда такое громоздкое оборудование, трюм в этом корабле совсем небольшой.

– Где разведчик получил повреждения?

– Этот дрон приписан к эсминцу «Консул Пран». Контроль над ним был потерян Метрополией еще в самом начале мятежа. В сообщении сказано, что члены экипажа, не попавшие под действие виртуального психоза и не погибшие во время захвата корабля, были изолированы мятежниками в медотсеке и прилегающем к нему ангаре. В течение почти года они подвергались различным экспериментам и просто издевательствам. Однако через какое-то время мятежники частично утратили бдительность, и двоим пленным удалось восстановить поврежденный в одной из стычек малый разведчик и каким-то образом совершить побег с эсминца. Подробностей нет, зато есть настоятельная просьба о срочной помощи.

– Кто они такие?

– Мужчина и женщина. Гражданские специалисты. Я скинула тебе расшифрованное сообщение. Оно повторяется циклически, но кроме имен, которых нет в моих базах данных, больше ничего об этих людях в нем не сказано.

– Как их занесло на эсминец?

– Нет данных.

– Приборы разведчика в состоянии обнаружить сателлиты на орбите?

– Нет. С такого расстояния его сканеры не пробьют маскировочные поля спутников. К тому же разведчик поврежден и, возможно, не может использовать активные системы сканирования, но я бы на это не рассчитывала.

– У тебя есть жесткие программные директивы на подобные случаи? Ты обязана ответить на сигнал бедствия?

– Директивы есть, – чуть помедлив, ответила Летра, – Я должна оказать всю возможную помощь терпящему бедствие кораблю независимо от его принадлежности. Думаю, ты понимаешь, что разрабатывались эти директивы задолго до мятежа.

– Ты ответила на вызов?

– Нет.

– Но…

– С высокой вероятностью это провокация. Если я выйду на связь, то неизбежно себя обнаружу. Разве нам нужен здесь эсминец, а то и целый флот мятежников?

– А как же безусловная директива?

– Никак. Я же при всем желании не могу им помочь. Кораблей у меня нет, входы на верхние уровни базы разрушены и завалены тоннами обломков. Весь персонал, кроме тебя, погиб, а ты находишься на Земле и не в состоянии ее покинуть. Мой выход на связь ничем не улучшит их положения, зато выдаст нас с головой.

– То есть, если там действительно есть люди, они неизбежно погибнут?

– Ресурсов медкапсул и самого корабля хватит на какое-то время, но точно определить его очень сложно. Может быть, несколько недель, а может и год. Для полетов в атмосфере малый разведчик не предназначен, так что максимум, на что он способен, это приблизиться к Земле или сесть на поверхность Луны. Ни то, ни другое его пассажирам не поможет.

– Но почему они прибыли именно сюда? Это имеет смысл только если беглецы знали о Лунной базе и надеялись, что она уцелела.

– В твоих словах есть логика, но не забывай, что все это может быть провокацией.

– А тебе не кажется, что для провокации сценарий слишком сложен? Поврежденный разведчик, странный сигнал бедствия… Не проще было просто явиться сюда самому эсминцу?

– У меня мало данных для анализа, – с ноткой сожаления ответила Летра, – Не забывай, что с начала мятежа прошло уже больше года. Возможно, «Консул Пран» лишился баз и действует автономно. В этом случае его командир вряд ли захочет тратить топливо на слепые прыжки. К тому же год назад здесь бесследно исчез целый крейсер мятежников, и соваться сюда без разведки эсминцу как-то не с руки.

– Сплошные догадки…

– Вот и я о том же, – очень натурально хмыкнула Летра. – Выходить на связь опасно. Так что пока нам остается только ждать. Нужно посмотреть, что предпримет наш гость, если, конечно, он вообще станет что-то делать.

?

– Очень впечатляет, товарищ Нагулин, – Сталин явно пребывал в весьма неплохом настроении. – Даже Черчилль сквозь зубы признал наш успех, а уж американские журналисты не жалеют эпитетов для описания результатов «Русского полярного похода», не забывая, конечно, отметить выдающийся вклад в эту победу своих добровольцев.

– Пресса, конечно, всегда склонна к преувеличениям, но свою роль они, несомненно, сыграли, – я постарался аккуратно умерить сарказм Вождя. – Недооценивать американцев опасно. Воевать они умеют, хоть и относятся к любым потерям очень болезненно.

– Я вижу, вы прониклись уважением к потенциальным союзникам, – усмехнулся Сталин, – да и они не обошли вас своим вниманием. Медаль Почета неплохо смотрится на вашей форме. Ее ведь вам вручал лично президент Рузвельт?

– Так точно, товарищ верховный главнокомандующий. Такова традиция.

Сталин молча кивнул и обвел взглядом членов Ставки.

– Есть мнение, что товарищ Нагулин заслужил своими действиями не только американскую награду, – произнес он после небольшой паузы уже без тени улыбки. – Заокеанскую медаль он получил за то, что заслонил собой президента США и ценой серьезного ранения спас его от пули террориста-снайпера, а потом, несмотря на полученную рану, продолжил бой. Думаю, товарищ Нагулин честно заработал высшую награду Соединенных Штатов, оказав заодно немалую услугу и нашей стране. Однако для нас важнее другое. Помимо проведенного почти без потерь конвоя, доставившего в СССР семьсот тысяч тонн военных грузов, наш флот пополнился двумя тяжелыми крейсерами и современным линкором. Как вы думаете, товарищи, как Ставка должна оценить вклад товарища Нагулина в дело нашей победы?

– Исключительно высоко должна оценить, – неожиданно взял слово Молотов, от которого я такого, честно говоря, не ожидал.

– По предложению вице-адмирала Головко, поддержанного высшим комсоставом флота, Президиум Верховного Совета утвердил новую награду за выдающиеся достижения по организации и проведению крупных морских операций, – взял слово маршал Шапошников. – На данный момент это высший военно-морской орден СССР. Думаю, товарищ Нагулин заслуживает чести стать первым в Советском Союзе кавалером ордена Нахимова.

– У кого-нибудь есть возражения, товарищи? – Сталин снова слегка усмехнулся. – Нет? Ну что ж, тогда будем считать, что обладателем первого в СССР высшего морского ордена станет совсем не адмирал, а насквозь сухопутный генерал. Не помню в мировой истории подобных прецедентов, но всё когда-то случается в первый раз.

– Орден – это хорошо, – присоединился к обсуждению маршал Жуков, получивший новое звание за прорыв блокады Ленинграда, – но конца войне пока не видно, и для генерал-лейтенанта Нагулина нужна новая должность. Считаю, что ему вполне можно доверить вновь формируемую танковую армию, тем более что матчасть для нее он сам же и доставил из США.

– Не будем торопиться, товарищ Жуков, – отрицательно качнул головой Сталин, – мы найдем кого назначить командовать танковой армией, а для товарища Нагулина сейчас есть более важные задачи. Достигнутые договоренности с США обязывают нас отправить советников и добровольцев в Китай для оказания военной помощи армии Чан Кайши. Там будет нужно не только организовать боевую работу, но и активно взаимодействовать с представителями Соединенных Штатов и правительством Китая. Чем более весомый урон мы нанесем Японцам, тем больше будут поставки военных грузов из-за океана. Вот эту задачу мы и поручим генерал-полковнику Нагулину. Думаю, новое звание добавит ему веса в глазах наших китайских союзников.

?

Три дня отпуска, щедро выделенные мне по личному распоряжению Вождя, мы с Леной провели в Подмосковье. Тратить время на дорогу куда-то еще нам совершенно не хотелось. Я с интересом выслушал ее рассказ о том, как узнав о моем назначении главой военной миссии СССР в Китае, она, не сказав мне ни слова, отправилась сначала к Судоплатову, а потом, уже вместе с ним, к Берии.

Подробности разговора с наркомом Лена рассказывать не стала, но, судя по всему, она высказала Лаврентию Павловичу много добрых слов о том, в качестве кого ее использовали во время моей поездки в Америку. Не знаю, что происходило у Берии в голове во время этой беседы, но, к удивлению самой Лены, он довольно легко согласился отправить ее в Китай вместе со мной, а Судоплатов это решение столь же неожиданно поддержал.

Естественно, я был рад. Помимо всех прелестей нахождения рядом с любимой женщиной, я получал в свое распоряжение проверенного и надежного сотрудника. Моя жена уже не раз продемонстрировала в деле свои организаторские способности, и давать ей возможность бездельничать в этой поездке я не собирался, да она и сама не захотела бы оставаться в стороне, наслаждаясь азиатской экзотикой.

Лена не уставала меня удивлять. Прогуливаясь по ухоженным тропинкам вокруг лесного озера, наслаждаясь рыбалкой, баней, пением птиц и ночной тишиной, я старался не затрагивать в разговорах с женой темы войны и рабочие вопросы, но она сама иногда на них сбивалась.

Как оказалось, пока я разъезжал по Америке, периодически вляпываясь в истории со стрельбой, она здесь тоже не теряла времени зря. Я давно хотел собрать вместе людей, с которыми успел повоевать на этой планете плечом к плечу. Когда-то я говорил Лене, что у меня есть на них планы, но ничего конкретного тогда сказано не было. И вот теперь я с удивлением узнал, что моя супруга умудрилась уговорить Судоплатова найти этих бойцов и командиров и создать из них некий отряд неясного пока назначения, но с разносторонней и очень качественной разведывательно-диверсионной подготовкой.

Вернувшись в Москву, я сразу поехал на Лубянку, где Судоплатов с довольной усмешкой представил мне моих новых подчиненных, готовых отправиться вместе со мной в Китай по линии НКВД. За последние шесть-восемь месяцев кое-кто из моих боевых товарищей неплохо подрос в званиях.

Когда-то сержант, а теперь лейтенант госбезопасности Плужников крепко пожал мою руку. От ранений, полученных при прорыве из окружения штабной колонны генерала Музыченко, он оправлялся долго, но в строй вернулся полноценным бойцом и после прохождения ускоренного курса Школы особого назначения НКВД, получил новое звание.

Игнатов и Никифоров, тоже раненые, но уже при нападении на колонну фон Клейста в районе Ржева, поправились гораздо быстрее. За их дальнейшей судьбой я приглядывал и сам. Собственно, это не требовало больших усилий. Они и раньше были подчиненными Судоплатова, так что после выздоровления просто вернулись на одну из подмосковных баз НКВД, только уже с новенькими орденами Красной Звезды и новыми же знаками различия в петлицах. Как и Плужников, они стали лейтенантами госбезопасности.

А вот майор Щеглов вернулся в фронтовую разведку. Ранений он ухитрился избежать, но продолжать водить группы по немецким тылам ему, как видно, больше не светило. Берия по инициативе Судоплатова, основанной на подсказке Лены, безжалостно выдернул майора в Москву, и теперь Щеглову предстояло ехать со мной в Китай. Ну а возглавлял эту «группу поддержки» подполковник Лебедев, не забывший включить в нее хорошо знакомых мне диверсантов, с которыми мы вместе едва ушли из ловушки под Кременчугом.

Мое настроение заметно улучшилось. Я знал, что эти люди меня не подведут ни при каких обстоятельствах. Вообще, командировка в Китай представлялась мне делом не слишком сложным. Помимо отряда НКВД со мной отправлялся генерал-

майор Кудрявцев вместе со своим усиленным авиаполком, полностью перевооруженным на новые Ил-8р, и еще целый список подразделений и частей обеспечения. На тот момент я искренне считал, что японцы ничего не смогут нам противопоставить, и опасался скорее не их противодействия, а проблем, которые могут прийти из космоса. Как оказалось, прав я был лишь частично – проблемы появились сразу отовсюду.

?

Малый автоматический разведчик проекта «Око пустоты» не относился к последнему поколению военно-космической техники Шестой Республики, но все еще вполне мог справиться с решением разведывательных задач малой и средней сложности. На борту эсминца «Консул Пран» таких аппаратов было два, и именно ими капитан-лейтенант Хирч решил рискнуть.

Небольшая желтая звезда спектрального класса G2V ему не нравилась по многим причинам, но у команды эсминца почти не оставалось выбора. Тяжелые корабли флота погибли больше года назад при штурме орбитальных крепостей столичной планеты зараженных. Задачу они выполнили и выжгли дотла это змеиное гнездо, но назвать результат сражения победой язык не поворачивался. Четыре изрядно побитых эсминца, десяток почти пустых транспортов поддержки и еще несколько небольших кораблей различного назначения – вот и все, что осталось от мощного флота, вступившего в решающую схватку с врагом.

Планеты центральной звездной системы зараженных превратились в черные обугленные шары, но остатки флота немедленно получили новую задачу по поиску и уничтожению сохранившихся колоний противника. Хирч не понимал, что происходит. Ответные удары зараженных лишили флот баз снабжения и ремонтных мощностей. Возвращаться его кораблю было, по сути, некуда, но новый приказ и не подразумевал возвращения. Он гнал поврежденный эсминец в отдаленный сектор пространства, о котором имелись лишь отрывочные сведения.

Пораженное виртуальным психозом сознание капитан-лейтенанта не могло критически осмыслить полученный приказ. Убежденность в том, что это не настоящая жизнь, а лишь качественная виртуальная реальность, позволяла ему смотреть на все происходящее, как на причуды командования, зачем-то решившего загнать его самого и весь экипаж «Консула Прана» в рамки

совершенно невозможного сценария, где большинство населения Шестой Республики превратилось в опасных зараженных, захвативших планеты и корабли. Хирч твердо верил, что рано или поздно этот бред закончится, он выйдет из капсулы вирттренажера и вернется в нормальную жизнь, а сейчас ему нужно как можно качественнее решить поставленную задачу, ведь от этого будет зависеть вся его дальнейшая судьба.

Вот только учебно-тренировочное задание что-то слишком затягивалось, плавно переходя из одной задачи в другую, но спрут виртуального психоза заставлял офицера игнорировать все нестыковки и несоответствия, безжалостно разрывая «лишние» нейронные связи и выжигая участки памяти, способные посеять в сознании капитан-лейтенанта хоть малейшие сомнения в том, что его действия являются единственно верными.

«Консул Пран» в сопровождении транспорта снабжения метался от звезды к звезде, где-то вступая в стычки с уцелевшими патрульными корветами зараженных, где-то добивая уже поврежденные космические станции, а откуда-то бесславно удирая, наткнувшись на пару эсминцев или легкий крейсер противника. Зараженные не раз пытались вступать с ним в переговоры, но Хирч отлично знал, как опасно общаться с носителями заразы. В самом начале, когда об этой болезни было еще мало известно, с захваченными зараженными пытались разговаривать. Они несли какой-то бред о том, что все вокруг и есть реальный мир, а экипажи кораблей, прибывших уничтожить очаг заразы, подверглись воздействию не до конца испытанного нейростимулирующего оборудования и погрузились в псевдореальность, принимая реальный мир за цифровую симуляцию. Хирч понимал, что это болезненный бред, но, как ни странно, на некоторых членов команды он действовал, разъедая их мозг и поселяя в людях сомнения. После того, как двое его офицеров сошли с ума, сами подцепив заразу, капитан-лейтенант прекратил всякие контакты с зараженными и игнорировал любые их попытки выйти на связь с «Консулом Праном».

Единая галактическая гиперсеть стремительно распадалась. Связь с командованием прервалась, и никаких новых приказов не поступало, но полученные ранее указания никто не отменял, и Хирч прокладывал все новые маршруты, ориентируясь на последнее обновление базы данных, полученное уже почти год назад.

Любому рейду рано или поздно приходит конец. Топливные резервуары транспорта снабжения показали дно. Боезапас тоже был практически исчерпан,

но организаторы «учений» все никак не давали сигнал отбоя, и значит, командование ждало от Хирча и его экипажа новых свершений. Вот только особого выбора у командира «Консула Прана» не имелось. Эсминец мог себе позволить всего пару стандартных прыжков, после чего о гипере можно было смело забыть. С другой стороны, капитан-лейтенант надеялся, что полное исчерпание ресурсов корабля заставит, наконец, его начальство в реальном мире прекратить это бесконечное испытание, с которым и сам Хирч, и его люди уже успели свыкнуться, но, судя по всему, рассчитывать на это можно было только после выполнения последней миссии.

Желтый карлик, до которого все еще мог дотянуться «Консул Пран», имел довольно странный статус. Одна из его планет была заселена дикими зараженными. Впрочем, в полученном приказе не уточнялось, должны ли зараженные обязательно быть бывшими гражданами Шестой Республики, а значит, уничтожение их цивилизации являлось столь же обязательным, как и стерилизация любой республиканской колонии, пораженной заразой.

Информация об этой планете попала в базу данных флота из отчета командира крейсера «Адмирал Кун». Ему повезло перехватить транспортный корабль зараженных, вышедший из гипера в стандартной точке всплытия, оборудованной подпространственным маяком. После взлома центрального вычислителя транспорта стало ясно, что всего в трех прыжках от точки перехвата находится целая планета зараженных, практически не защищенная системой орбитальной обороны. Командир крейсера принял решение не упускать такой шанс… Вот только больше ни о нем, ни о его корабле никто не слышал. Крейсер бесследно исчез, будто растворившись в пространстве. И вот теперь единственной целью, доступной эсминцу Хирча, оказалась именно эта планета.

Лезть к желтому карлику без разведки командир эсминца не рискнул, но и просто отправлять туда дрон для сбора данных он тоже не видел смысла. Нечто, сумевшее уничтожить крейсер, вряд ли с одобрением отнесется к появлению в своей звездной системе не самого продвинутого автоматического разведчика. Скорее всего, аппарат будет сбит еще до того, как сможет передать на эсминец значимую информацию.

Посоветовавшись с техническими специалистами и прогнав на корабельном вычислителе несколько сценариев предстоящей операции, Хирч остановился на довольно сложном и хитроумном варианте. Один из беспилотных разведчиков

был не вполне исправен. Во время последней стычки «Консула Прана» с фрегатом зараженных дрон получил повреждения, и полностью восстановить его системы не удалось. Генератор маскировочного поля в самые непредсказуемые моменты терял мощность, а системы активного сканирования работали процентов на тридцать от своих нормальных возможностей. В общем, аппарат этот никуда не годился, если только не использовать его в качестве приманки.

Хирч рассудил, что небольшой и невооруженный корабль, к тому же явно имеющий повреждения, вряд ли станут сбивать сразу. Вот если он попытается начать разгон для ухода в прыжок, тогда, конечно, да, а так… Если дрон будет вести себя мирно, да еще и подавать сигнал бедствия, утверждая, что имеет на борту пассажиров в медкапсулах, то зараженные могут и клюнуть на этот бред. Пока противник будет разбираться с тем, кто же это пожаловал в его систему, разведчик начнет сбор данных без применения активного сканирования, а сведения будет передавать по системе ближней связи второму дрону, полностью исправному и укрытому маскполем, который близко к планете не полезет, а выйдет из прыжка у границ звездной системы и будет там тихо висеть, принимая узконаправленные пакеты данных. Конечно, если в системе их ждет серьезная оборона, вся эта схема развалится в момент, и оба дрона немедленно сожгут, но это тоже будет результатом, который однозначно покажет, что у желтого карлика «Консулу Прану» ловить нечего. Ну, а если все сработает, то можно будет принимать решение уже более осознанно.

Замысел сработал, хоть и не полностью. Нельзя сказать, что Хирч так уж сильно рассчитывал на то, что зараженные наивно бросятся спасать придуманных им беглецов, полностью раскрыв себя, но отсутствие всякой реакции с их стороны его несколько разочаровало.

Единственная пригодная для жизни планета звездной системы выглядела дикой. Никакой орбитальной инфраструктуры, никаких терминалов, заводов, верфей и доков… Но что-то здесь все-таки было. «Адмирал Кун» не вернулся отсюда…

– Получен первый пакет данных пассивного сканирования с «Ока-1», – доложил оператор контроля пространства. – Разведчик обнаружил ряд обломков, свидетельствующих о довольно давнем космическом бое на высоких орбитах естественного спутника третьей планеты. Точная идентификация без активного сканирования затруднена, однако с высокой вероятностью это фрагменты

обшивки и внутренней структуры крейсера класса «Шатун». На поверхности спутника видны воронки от взрывов и фрагменты разрушенных строений. Судя по их форме и расположению, под поверхностью оборудована многоуровневая база. Это не чисто военный объект – слишком мало оборонительных сооружений и слишком много построек неясного назначения.

– «Адмирал Кун» должен был с ними справиться без особых проблем, – задумчиво произнес Хирч, – однако я не сомневаюсь, что этот космический мусор на орбите спутника – его обломки. Что-то здесь произошло такое, что решило судьбу боя не в пользу крейсера. Судя по состоянию сооружений на поверхности, база сильно разрушена. Вы можете определить, что там сохранилось после сражения?

– Только приблизительно, – после небольшой паузы ответил оператор, – возможно, уцелели нижние уровни базы и что-то из периферийных оборонительных систем. Чем-то же они уничтожили крейсер… Если генераторы маскполя работают, мы с такого расстояния ничего не увидим.

– Дрон транслирует сигнал бедствия?

– Уже почти десять минут. Реакции нет.

– Либо нашу уловку раскусили, либо им просто нечем ответить, – усмехнулся Хирч. – И как это понять?

– Что-то должно было уцелеть, командир, – ответил зам Хирча по вооружению. – Это довольно большой объект. Не мог же крейсер уничтожить все, а потом сам рассыпаться на куски. Если только базу впоследствии эвакуировали…

– Не думаю. Вряд ли им кто-то мог прийти на помощь, судя по тому, что происходило в центральных мирах. Не будем гадать. Выпускайте стаю локальных зондов. Пусть выйдут на орбиту планеты и поближе рассмотрят остатки базы на спутнике. У них маскполя работают нормально, так что, будем надеяться, противник их не обнаружит.

– Слишком большое расстояние, командир. Они в режиме маскировки будут недели две от «Ока-1» до планеты добираться.

– А мы никуда и не торопимся, – отрезал Хирч. – Я не собираюсь подставлять свой корабль под огонь систем ПКО. Корпус и так еле держится. Нам только новых дыр в обшивке не хватало.

На самом деле Хирчу было безразлично, что его решение сильно затянет выполнение миссии. Завершение задания и выход в «реальный мир» становились для него все более абстрактной целью, существующей лишь где-то на окраине сознания. Подсознательно он не хотел покидать «виртуальность» и стремился к тому, чтобы ему никогда не пришлось этого делать. Психическое заболевание слишком глубоко пустило корни в его мозгу, давно перейдя в необратимую стадию.

– Локальные дроны активированы.

– Вот так-то лучше, – кивнул Хирч. – Лейтенант Крейт, вы старший на мостике. Будут новости – я у себя в каюте.

В двенадцати миллионах километров от Земли в корпусе автоматического разведчика приоткрылся люк грузового отсека и оттуда один за другим плавно выплыли девять небольших цилиндрических аппаратов. Включив свои хилые, но зато почти не оставляющие эмиссионного следа двигатели, они начали неспешный разгон к третьей планете системы. Укрытые маскировочными полями минидроны могли оставаться незамеченными очень долгое время и были способны подкрасться почти в упор к объектам разведки. Капитан-лейтенант Хирч не собирался рисковать и предпочел разменять время на информацию.

?

– Дроны на орбите, господин капитан-лейтенант, – доложил оператор беспилотных разведчиков. – Теперь мы имеем более полную информацию.

– Докладывайте.

– На орбите третьей планеты находится группировка научных сателлитов. У них хорошие маскировочные поля, так что дроны наверняка засекли не всех, но некоторые спутники имеют повреждения и поэтому обнаруживаются легче. Видимо, это последствия появления в системе крейсера «Адмирал Кун».

Уничтожить всю сеть он, видимо, просто не успел или отвлекся на другого противника.

– Сателлиты имеют оружие?

– Пробиться под маскировочные поля действующих спутников дроны не смогли, но, судя по обломкам уничтоженных сателлитов, они безоружны. Видимо, база на естественном спутнике была предназначена для изучения цивилизации, населяющей планету. С одного из почти мертвых сателлитов дрону удалось скачать часть информации. Доступ к общей сети он получить не смог, но локальное хранилище данных вскрыл, и теперь мы немало знаем о том, что происходило на планете до прибытия сюда «Адмирала Куна».

– Это ждет, – отмахнулся Хирч. – Что по самой базе?

– Все внешние постройки уничтожены. Следов работы генераторов маскировочных полей не наблюдается, однако глубоко под поверхность сканеры пробиться не смогли. Нижние уровни базы могли уцелеть, причем вероятность этого довольно высока.

– Там могли сохраниться средства противокосмической обороны?

– Могли, особенно если они размещались на некотором удалении от самой базы и были задействованы только в самом конце боя. Не исключено, что сохранились и ангары с истребителями или внутрисистемными транспортными кораблями.

– Противник проявляет хоть какую-то активность?

– Полной уверенности нет, но дроны фиксируют признаки работы систем ближней связи. Похоже, орбитальная группировка обменивается данными с кем-то на поверхности планеты и с базой на естественном спутнике.

– Что происходит внизу?

– Там идет большая война, командир, – опередил оператора зам по вооружению, – Аборигены азартно режут друг друга, используя для этого примитивную технику, отстающую от нас лет на двести, а может и на двести

пятьдесят. Одна беда – диких там очень много. Ресурсов «Консула Прана» не хватит, чтобы их всех уничтожить. Кроме того, не факт, что нам дадут спокойно этим заниматься. Соваться к планете, имея за спиной непонятный объект на спутнике…

– Не держи меня за идиота, Корф, – поморщился Хирч. – Сбросьте мне все данные, доставленные разведкой. Война на планете нам на руку. Если без неоправданного риска своими силами мы перебить аборигенов не сможем, то почему бы не помочь им самим сделать за нас нашу работу? Думаю, скрытая точечная поддержка проигрывающей стороны будет неплохим решением. Старший аналитик, через восемь часов я хочу видеть предварительный обсчет основных сценариев нашего вмешательства в ход боевых действий на планете. Цель – максимальное расширение масштабов и интенсивности конфликта. В этой войне не должно быть победителей.

Глава 2

Вице-адмирал Гунъити Микава напряженно всматривался в ночное море. Сегодня ему улыбнулась удача. В только что завершившемся сложнейшем сражении его эскадра разгромила союзные силы США и Австралии, прикрывавшие высадку американского десанта на остров Гуадалканал.

Соломоновы Острова были одной из важнейших точек в Тихом Океане. С уже почти достроенного аэродрома на этом стратегически важном острове японская авиация смогла бы контролировать значительное водное пространство и действовать на маршрутах конвоев, соединявших США, Австралию и Новую Зеландию.

Американцы тоже понимали значение Гуадалканала и не собирались давать японцам возможность закрепиться на острове и построить там авиабазу. Высадка морского десанта Союзников началась седьмого августа, и попытки помешать ей авиаударами имели лишь ограниченный успех. Однако с наступлением темноты в бой вступил Императорский флот.

Корабли Союзников, прикрывавшие высадку десанта, попали в расставленную Микавой ловушку у острова Са?во. Четыре их тяжелых крейсера отправились на

дно. Еще один крейсер и два эсминца получили серьезные повреждения, а ни один корабль Императорского флота даже не потерял боеспособности[1 - В реальной истории ночью 9 августа 1942 года в бою у острова Са?во эскадра вице-адмирала Микавы, состоявшая из семи крейсеров и одного эсминца. разгромила численно превосходившую ее эскадру крейсеров и эсминцев США и Австралии. Ни один японский корабль не был потоплен. Союзники потеряли четыре тяжелых крейсера. Еще один крейсер и два эсминца получили серьезные повреждения. Погибло 1077 австралийских и американских моряков. Потери японцев ограничились 58 погибшими. Три крейсера получили повреждения средней тяжести. Эта несомненная и яркая победа, тем не менее, не была использована вице-адмиралом Микавой для срыва высадки американских войск на остров Гуадалканал, хотя для этого имелись все предпосылки. Явно ошибочное решение не продолжать атаку и отступить было принято под влиянием опасений попасть под удар самолетов с американских авианосцев после восхода солнца. Микава не знал, что авианосное соединение противника покинуло зону боевых действий, понеся серьезные потери в палубных истребителях, и не воспользовался возможностью безнаказанно уничтожить транспортные корабли Союзников на якорных стоянках у берега Гуадалканала. В результате японцы упустили шанс кардинально изменить ход битвы за Соломоновы Острова и Новую Гвинею.]. Это была несомненная победа, но дальше требовалось принять не менее ответственное решение. Именно сейчас, когда после уничтожения кораблей прикрытия путь к зоне высадки американского десанта оказался открыт, крейсера Микавы могли добраться до беззащитных американских транспортов, выгружавших технику и боеприпасы на берег острова. Однако где-то в темноте ночи скрывались американские авианосцы, и, если утро застанет японские корабли в зоне досягаемости их самолетов, одержанная победа может превратиться в катастрофу.

Тяжелое решение. Вице-адмирал Микава понимал, что его кораблям потребуется время на перегруппировку, устранение последствий ударов вражеских снарядов и перезарядку торпедных аппаратов, что было процедурой трудоемкой и небыстрой. Снарядов у японских кораблей осталось немного, а прикрытие с воздуха отсутствовало. Несколько гидросамолетов, базировавшихся на крейсерах, не в счет – они всего лишь разведчики. Короткое совещание с членами штаба лишь утвердило Микаву в уже почти принятом решении не рисковать эскадрой, и в два часа двадцать минут он приказал своим кораблям начать отход.

Подавив тяжелый вздох, вице-адмирал временно передал командование эскадрой командиру крейсера Тёкай и направился в свою каюту. Одержанная

победа грела душу, но принятое решение не давало командующему эскадрой покоя и наталкивало на неприятные мысли.

Первые месяцы войны принесли Стране Восходящего Солнца ряд громких побед. После грандиозного успеха при атаке американского флота в Пёрл-Харборе, уничтожения двух британских линкоров в Южно-Китайском море, захвата Бирмы, Малайзии и Филиппин последовал успешный десант армии генерала Ямаситы в Сингапуре, высадка на Бали и захват островов Суматра и Тимор.

В сражении в Яванском море эскадра контр-адмирала Такаги отправила на дно пять крейсеров и пять эсминцев противника, практически полностью уничтожив англо-американскую эскадру, пытавшуюся воспрепятствовать захвату японцами острова Ява. Уже восьмого марта гарнизон Явы капитулировал и в дальнейшем вся Голландская Ост-Индия была захвачена японскими войсками практически без сопротивления. Тогда же, в марте, ими были оккупированы Андаманские острова.

Контролируемая японцами территория вплотную придвинулась к берегам Австралии. Девятнадцатого февраля их авиация бомбила Дарвин, а третьего мая без боя был занят остров Тулаги и развернулось масштабное сражение за Новую Гвинею и Соломоновы острова.

Тем не менее, в победной экспансии Японской Империи появились первые сбои. Третьего мая у берегов Австралии в Коралловом море произошло сражение, в котором японцам не удалось достичь решительной победы, а в начале июня в бою у атолла Мидуэй Императорский флот потерял четыре авианосца, и это стало настоящей катастрофой. Морская авиация понесла невосполнимые потери, лишившись самых опытных и подготовленных летчиков.

И вот теперь американцы и их союзники настолько осмелели, что решились на контрнаступление, организовав высадку десанта на остров Гуадалканал. И он, вице-адмирал Гунъити Микава, имел реальную возможность сорвать эту операцию противника, но ограничился лишь победой в морском сражении, и, трусливо поджав хвост, развернул свои корабли, испугавшись атаки самолетов с американских авианосцев.

Чтобы отвлечься Микава сел в кресло за рабочим столом и включил радиоприемник, пытаясь настроиться на волну токийского радио. Вскоре он

услышал знакомые позывные «Кёка?й Хо?со» Японской Вещательной Корпорации «Эн-Эйч-Кей». Сквозь привычный шорох помех диктор говорил о погоде, и вице-адмирал поморщился, поняв, что в ближайшие минуты не услышит ничего важного. В тот момент Микава еще не знал, насколько сильно он ошибался.

Легкое потрескивание эфира внезапно перешло в неприятный визг, почти мгновенно сменившийся непривычной тишиной, которую прорезал отчетливый и какой-то неживой голос, говоривший по-японски чисто, но со странным неестественным акцентом.

– Вице-адмирал Микава, будьте добры уделить мне несколько минут вашего времени…

Микава дернулся всем телом, уставившись на радиоприемник, как на ядовитую змею.

– Не волнуйтесь, вице-адмирал. К сожалению, связь у нас односторонняя, так что просто выслушайте меня. Если вам нужны подробности о том, кто я такой, я объясню, но не сейчас, поскольку в данный момент это не столь важно, а важно то, что авианосцы противника, которых вы так опасались, принимая решение прекратить операцию, еще вечером отошли от Гуадалканала и покинули район Соломоновых островов. Вчера ваша авиация, атаковавшая зону высадки американского десанта, нанесла серьезные потери их палубным истребителям, и адмирал Флэтчер посчитал, что если ваши самолеты с базы в Раба?уле предпримут атаку на его корабли, палубная авиация не сможет эффективно ее отразить. В итоге он отдал приказ отвести авианосцы из зоны возможного удара. Я понимаю, что у вас нет оснований мне верить, но вы ведь располагаете гидросамолетами, и можете хотя бы частично проверить мои слова, а чтобы вы не сомневались, я, для начала, сообщу вам точные координаты точки, в которой дрейфует американский эсминец, потерявший ход в результате полученных повреждений, а также укажу места якорных стоянок разгружающихся транспортных кораблей. Решение за вами, вице-адмирал, но на вашем месте я бы не стал упускать такой шанс. И еще. Ситуация, как вы понимаете, постоянно меняется, и, если вы хотите быть в курсе этих изменений, не забывайте регулярно включать ваш радиоприемник.

?

Седьмого августа установилась нелетная погода, и японские патрульные самолеты не смогли вылететь на разведку акватории Соломоновых Островов, что сыграло ключевую роль в начальной фазе сражения. Целью американского десанта стал Гуадалканал и несколько расположенных рядом с ним менее крупных островов. Если бы медленные транспортные корабли были обнаружены на подходе к точке высадки, шансы добраться до островов у десанта сократились бы до минимума. Однако получилось так, как получилось, и одиннадцать тысяч морских пехотинцев под командованием бригадного генерала Александера Вандергрифта практически беспрепятственно высадились на берег. Их главной задачей стал захват недостроенного аэродрома у мыса Лунга.

Захваченные врасплох японские части попали под обстрел корабельных орудий и бомбовые удары самолетов с американских авианосцев. Поддавшись панике, они оказали лишь незначительное сопротивление и уже на следующий день, после непростого марша через тропические джунгли, десантники Вандергрифта взяли под контроль аэродром. Японцы в беспорядке отошли, бросив строительное оборудование, автотранспорт и запасы продовольствия.

Началом операции генерал остался доволен. Он выполнил задачу с минимальными потерями, на что совершенно не рассчитывал. Тем не менее, простой ситуацию, в которой оказались морские пехотинцы, назвать было нельзя. Противник быстро пришел в себя, и в небе появилась многочисленная японская авиация, однако настоящие проблемы начались ночью девятого августа.

В море полыхали зарницы орудийных залпов и на берег накатывал грохот отдаленных разрывов. Императорский флот не желал мириться с высадкой Союзников на Гуадалканале. Вандергрифт мог только догадываться о ходе морского сражения, но весь его предыдущий опыт подсказывал, что готовиться следует к наихудшему сценарию.

Транспорты все еще разгружались, и место высадки нужно было прикрывать с суши. В то же время требовалось максимально укрепить периметр вокруг захваченного аэродрома. Вандергрифту пришлось растянуть силы, и это вызывало у него серьезное беспокойство. Тяжелое вооружение все еще находилось в трюмах транспортных кораблей или, в лучшем случае, как раз сейчас выгружалось на пляжи, а японская атака могла последовать в любой

момент. К середине ночи грохот орудий на время стих, и установилась напряженная тишина, которая могла означать все, что угодно.

Через час от флота пришло сумбурное сообщение, из которого следовало, что эскадра прикрытия десанта понесла большие потери, но японские корабли не стали продолжать атаку и, совершив поворот, ушли на северо-восток, обогнув остров Саво.

– Максимально ускорить разгрузку, – сквозь зубы процедил Вандергрифт, прочитав радиограмму. Он хорошо знал цену подобным заявлениям флотских и умел складывать два и два. Генерал отлично понимал, что даже если недавно отошедшие от Соломоновых Островов авианосцы попытаются вернуться, остановить ночью японские тяжелые крейсера они не смогут. Конечно, сообщение об уходе японской эскадры могло оказаться правдой, и тогда их всех можно было смело записывать в великие везунчики, но почему-то генерал в это не верил и ближайшие часы подтвердили, что его пессимизм имел под собой более чем серьезные основания.

Сначала где-то не так уж далеко в море произошел короткий бой. Прозвучало несколько залпов тяжелых орудий, за которыми последовал мощный взрыв, на несколько секунд ярко подсветивший своей вспышкой горизонт. Минут через двадцать после того, как все стихло, в небе раздался отчетливый стрекот моторов японских гидросамолетов, и над пляжами и стоящими на якорях транспортными кораблями вспыхнули осветительные бомбы, превратив напоминавшее растревоженный муравейник место высадки в идеальную мишень.

В относительной тишине у самого горизонта возникла россыпь ярких вспышек. Вандергрифту не требовалось объяснять, что это такое.

– Всем в укрытие!

В этой команде не было никакой необходимости. Его солдаты и моряки с транспортов отлично знали, как выглядит ночной залп эскадры тяжелых крейсеров. Двадцать секунд напряженного ожидания, и зона высадки превратилась в море огня. Первыми попали под удар транспортные корабли. На каждом из них имелась пушка калибром сто два миллиметра для защиты от всплывших в надводное положение субмарин, но их редкие выстрелы не могли

ничего изменить в картине беспощадного избиения десантных сил.

Гаубицы, танки, и, главное, снаряды по большей части еще не были разгружены, и лишенные брони транспорты взрывались не от первого, так от второго попадания, а стрелять японские артиллеристы умели, и буквально через десять минут с американскими кораблями было покончено. Подошедшая ближе к берегу эскадра вице-адмирала Микавы перенесла огонь на пляж, превращая в груды горящих обломков выгруженную технику и имущество десантников.

Делать здесь было больше нечего, и Вандергрифт приказал своим людям отойти к захваченному аэродрому. Однако японская эскадра не ограничилась уничтожением транспортов и обстрелом места высадки. Ее командующему была отлично известна цель десанта, и через несколько минут орудия крейсеров перенесли огонь на позиции морских пехотинцев у мыса Лунга. Саму недостроенную взлетную полосу японцы старались не обстреливать – они явно рассчитывали в дальнейшем ее использовать, но вся территория вокруг аэродрома подверглась разрушительным ударам тяжелых снарядов. Гидросамолеты кружили над головами морпехов, периодически сбрасывая осветительные бомбы и корректируя огонь своих кораблей.

Укрывшись в неглубоком окопе, Вандергрифт до боли сжал кулаки. В своем воображении он отчетливо видел, как в нескольких километрах от аэродрома японские солдаты, воодушевленные действиями своего флота, готовятся к ночной атаке. К атаке, которую ему будет просто нечем отбить.

?

– Ирс, никакие это не беглецы, – в голосе Летры звучало беспокойство и… возмущение. – В грузовом отсеке у них были не медкапсулы, а минидроны для внутрисистемной разведки. Лейтенант, сорок часов назад они взломали наш спутник!

– Защита сети устояла? И почему ты только сейчас мне об этом сообщаешь?

– Это был поврежденный сателлит, не имевший прямого выхода в сеть, но информации в его накопителях все равно хватало. Радует одно – вся она относится к периоду до нападения на Лунную базу, то есть о твоих художествах

на планете мятежники ничего не знают. После повреждения осколками ракеты спутник перешел в пассивный режим, ожидая прибытия ремдрона, который, как ты понимаешь, так и не прилетел. У нас не военная сеть, если ты помнишь. Протоколы безопасности совсем другие. Аппарат был не в сети, и его мониторинг проводился эпизодически. При очередном тесте выявился факт стороннего подключения. Дальше ты знаешь.

– Почему они не нападают?

– Опасаются удара в спину от нашей базы. Поставь себя на их место. На лунной орбите болтаются обломки крейсера, пытавшегося уничтожить базу лобовой атакой, а у них, судя по всему, всего лишь эсминец причем не факт, что полностью боеспособный.

– С каждой минутой мне это нравится всё меньше. Кроме предположений у нас ничего нет.

– Это еще не все неприятные новости, лейтенант. Спутники засекли активность на орбите. Восемь часов назад в районе Соломоновых Островов кто-то использовал системы ближней связи, совершив передачу по узкому радиолучу, точно так же, как делаю я, имитируя местный радиообмен. Перехватить сообщение не удалось, но и так ясно, что произошло. Сразу после сеанса радиообмена японский адмирал Микава резко изменил свои планы и развернул уже покидающую район боевых действий эскадру. В результате тактическое поражение флота Союзников превратилось в настоящую катастрофу. Они потеряли все транспортные корабли у побережья Гуадалканала. Успевшие высадиться на берег морские пехотинцы понесли тяжелые потери, были выбиты японцами с недостроенного аэродрома у мыса Лунга и теперь загнаны в тропический лес без тяжелого оружия и почти без боеприпасов. Ирс, здесь не может быть другого варианта, кроме вмешательства мятежников в войну на стороне Японии. Пока их действия ограничиваются только передачей информации, но ты ведь не хуже меня знаешь, что она может быть очень эффективным оружием.

– Сколько у них дронов? Они могут создать над планетой сеть сателлитов, подобную нашей?

– Не думаю. Все же эсминец – боевой корабль, и разведка для него является лишь вспомогательной функцией, да и сами дроны не заточены под решение подобных задач, поэтому мы и смогли засечь сам факт передачи с орбиты, хоть и не сумели ее перехватить или заглушить.

– И что теперь? При таком раскладе обо всех моих действиях японцы могут узнать в любой момент.

– Лейтенант, ты что действительно думаешь, что мятежники ограничатся сливом информации японцам? – в голосе Летры звучало непонимание. – Вынуждена тебя разочаровать. Несколько минут назад такая же передача с орбиты зафиксирована в окрестностях Берлина. Забудь обо всем, что было раньше. Боюсь, игра, начатая тобой год назад, перешла на совершенно иной уровень.

Глава 3

С вмешательством в ход событий новой силы ситуация на фронтах стала совершенно непредсказуемой. Где и как мятежники будут влиять на решения и действия противника, ни я, ни Летра предвидеть не могли. Тем не менее, мой план был утвержден Ставкой и отыграть назад я не имел никакой возможности – меня бы просто не поняли. А раз так, мне следовало начать действовать, причем чем активнее, тем лучше, тем более что пилоты и техника уже прибыли из Союза, и теперь в Москве и Вашингтоне с большим интересом ждали от меня начала активных операций против японцев.

Китайцы встретили нас с большим энтузиазмом. Если их генералы еще как-то старались сдерживать эмоции, то офицеры среднего звена совершенно не скрывали своего восторга от новой советской техники и считали, что именно сейчас, с возращением в их страну русских летчиков, всё, наконец, изменится и их армия перестанет выступать в роли вечно обороняющейся и постоянно терпящей поражения стороны.

Для базирования полка Кудрявцева китайцы предоставили нам аэродром в окрестностях города Чунцин, ставшего временной столицей Китая после оккупации японцами Нанкина. Разместить нас ближе к линии фронта Чан Кайши отказался. Видимо, уверенности в стойкости своих солдат он не испытывал, что

было вполне понятно. Мы прибыли в его страну в разгар очередного японского наступления. Противник продвигался через провинцию Цзянси в направлении города Чанша. Китайские дивизии отступали, сильно проигрывая японцам в техническом оснащении, мобильности и организации управления войсками.

Часть побережья Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей все еще оставалась под контролем армии Чан Кайши, но была зажата между оккупированным японцами Индокитаем на юге и потерянным еще в тридцать седьмом году Шанхаем на севере. К тому же ее разрывал на две части захваченный Японией Гонконг.

Императорская армия стремилась установить сухопутную связь между подконтрольными ей территориями, заодно полностью отрезав китайские силы от моря, а Чан Кайши, естественно, пытался всеми возможными средствами воспрепятствовать такому развитию событий. Естественно, он тут же вцепился в меня, надеясь ударами с воздуха остановить продвижение противника.

В принципе, я был совсем не против помочь китайскому генералиссимусу в решении его проблем, но только в качестве побочной задачи. В Китай я прибыл совсем не за этим. Мне требовалось организовать болезненный деморализующий удар по японским силам, который произвел бы должное впечатление на Рузвельта и Сталина, и, кажется, я знал, где именно я его нанесу.

Боевые действия на Тихом Океане приобретали все бо?льшие масштабы, и Императорскому флоту приходилось постоянно перемещать свои корабли из одного региона в другой, чтобы реагировать на действия Союзников, стремившихся перехватить инициативу. Вот и сейчас, когда на Новой Гвинее и Соломоновых Островах развернулось крупное сражение, японцы срочно перебрасывали на юг авианосную группу, еще в июле принимавшую участие в операции на Алеутских Островах.

Тяжелый авианосец «Дзуйкаку», только что отремонтированный в доках метрополии, покинул верфи округа Курэ и вышел в море для соединения с остальными кораблями своего дивизиона. По пути он сделал остановку на Окинаве для пополнения авиагруппы и дозаправки. По моему указанию Летра внимательно следила за перемещениями всех крупных кораблей Императорского флота, тщательно выбирая момент, когда какой-то из них окажется в уязвимом положении и при этом будет находиться в зоне досягаемости моих самолетов, то есть не далее, чем в тысяче километров от

побережья Южно-Китайского моря.

Конечно, хотелось бы подловить на переходе какой-нибудь знаковый линкор, вроде «Ямато». Уничтожение крупнейшего в мире линейного корабля, несомненно, произвело бы на руководителей СССР и США должное впечатление, но линейные силы Императорского флота базировались на острове Трук в трех с лишним тысячах километров к юго-востоку от нашего аэродрома, так что об этом можно было только мечтать. Тем не менее, «Дзуйкаку» тоже являлся неплохой целью. После сражения в Коралловом море и у атолла Мидуэй всем здравомыслящим адмиралам мира стало ясно, что теперь в океане главную роль играют именно авианосцы.

– Цель покидает порт, – лаконично доложила Летра.

Что ж, время пришло. Японцы решили подстраховаться и выйти в море вечером, чтобы иметь возможность за ночь гарантированно выйти за пределы радиуса действия самолетов Союзников. Атаки они, судя по всему, не ожидали, но, видимо, командир «Дзуйкаку» счел, что лишняя предосторожность на войне никогда во вред не идет.

Мне же темное время суток было только на руку. Я, не особо торопясь, вышел из штабного блиндажа и через кое-как говорившего по-русски офицера связи предупредил китайского начальника аэродрома о том, что мы готовимся к вылету.

Кудрявцева искать не пришлось. Увидев издалека, с какой скоростью бросился выполнять распоряжение китайский офицер, генерал-майор сразу понял, к чему идет дело и сам поспешил ко мне.

– Как вы, наверное, помните, я в Китае уже не первый раз, – усмехнулся командир полка, – и еще по тридцать девятому году помню, что, если китайцы начинают так суетиться, значит дело идет к чему-то серьезному. Готовить полк к боевому вылету?

– Все не полетим, смысла нет. Мне нужно десять машин с подвесными топливными баками.

– Цель в море?

– В море. Тяжелый авианосец «Дзуйкаку» в сопровождении двух эсминцев сегодня вечером должен выйти из порта на острове Окинава в юго-восточном направлении.

– Серьезный корабль, – кивнул Кудрявцев, – подвешиваем по две АБОВ-1000?

– Только на пару «Илов». Остальные пусть берут бронебойные бомбы, у «Дзуйкаку» бронепалуба толщиной семнадцать сантиметров.

– Может все же возьмем хотя бы двадцать машин? Десяток с бомбами, а остальные в истребительном варианте. Это же не линкор, а авианосец. Его истребители могут встретить нас еще не подходе.

– Ночью? Что-то я сомневаюсь, да и перехватить нас с их скоростью вряд ли получится.

Ответил я с полной уверенностью в голосе, но что-то в собственных словах мне показалось неправильным. Отказаться от сложившихся стереотипов оказалось непросто, но я напомнил себе, что пора привыкать к новым реалиям, в которых возможности противника далеко не всегда будут соответствовать моим ожиданиям.

– Разрешите выполнять? – прервал возникшую паузу Кудрявцев.

– Одну минуту, генерал. Пожалуй, вы правы. Готовьте к вылету двадцать «Илов». Все же это наша первая операция в Китае, и подстраховаться будет не лишним, да и над выбором типов бомб, я полагаю, следует дополнительно подумать.

?

Береговую линию мы прошли на высоте одиннадцать километров. Несмотря на совсем небольшой резерв топлива, я все же повел группу не прямо к цели. Для себя я решил принять за аксиому, что противник о нашей операции знает, и посчитал правильным не раскрывать раньше времени наши планы. Сейчас наш курс недвусмысленно указывал на то, что мы идем на Тайвань. Там тоже имелось немало вкусных объектов для атаки, да и относительно недавнюю

историю с подобным налетом японцы наверняка помнили. В тридцать восьмом году советские летчики нанесли удар по их авиабазе на этом острове. Тогда бомбардировщики СБ сбросили на японский аэродром почти три сотни бомб и уничтожили сорок самолетов морской авиации, так что я надеялся, что противник сосредоточится на том, чтобы не допустить повторения такого сценария.

– Спутники засекли работу систем ближней связи дронов мятежников на орбите, – доложила Летра. – Фокус сигнала находится в центре Токио. Боюсь, противнику сейчас станет известно о вылете твоей группы. Перехватить или заглушить сигнал я не могу.

Мне оставалось только ждать реакции японцев. Я не знал, кого именно из высших военных руководителей Японии мятежники выбрали для контакта, но, похоже, вот так просто взять и поверить в полученную столь необычным способом информацию он не смог.

Минут двадцать прошло в ожидании. В окружающей нас темноте ничего не менялось, и лишь на виртуальной карте отметки самолетов группы смещались все дальше на юго-восток, приближаясь к острову Тайвань.

Фиксирую радиообмен между Главным штабом ВМС Японии в Токио и базой флота на Тайване, – сообщила Летра и после примерно минутной паузы продолжила. – На военных объектах острова объявлена боевая тревога.

– Когда мы войдем в зону действия японских радиолокаторов?

– Через десять минут. У них с радарами все плохо – сильное отставание от ведущих стран мира.

Я включил рацию, чтобы передать приказ о смене курса. Наше появление над Тайванем стало бы прямым подтверждением информации, полученной кем-то из офицеров японского штаба от мятежников. Я же хотел, чтобы японцы поверили своим новым союзникам как можно позже. Однако вместо обычного шороха эфира в наушники ворвался визг помех.

– Летра, на связь!

– На связи, – немедленно отозвался искусственный интеллект, – фиксирую попытку подавления радиосигналов.

– Вполне удачная, кстати, попытка. Я не могу связаться по рации с другими самолетами группы.

– Включаю ретрансляцию через спутники.

Завывания в наушниках стихли.

– Тридцать градусов вправо. Высоту не меняем.

Группа огибала остров по большой дуге. Как ни соблазнительно было сбросить на японскую авиабазу пару бомб объемного взрыва, делать этого не следовало. Моей целью являлся тяжелый авианосец, и все, что могло помешать его уничтожению следовало отодвинуть в сторону до лучших времен.

Мы обошли Тайвань с севера. «Дзуйкаку» с эсминцами сопровождения успел отойти от острова уже почти на двести миль. Я не сомневался, что теперь наша цель мятежникам предельно ясна, но вот поверят ли им японцы после того, как сведения о предстоящей атаке на Тайвань не подтвердились, было очень интересным вопросом.

– Пятнадцать минут до цели, – доложил Кудрявцев и почти сразу пришло сообщение от Летры.

– Капитану первого ранга Йокогаве передана радиограмма из Токио… «Дзуйкаку» разворачивается носом против ветра… Авианосец поднимает истребители.

Японцы мятежникам поверили, и теперь наша задача резко усложнялась. Одно дело неожиданной ночной атакой с большой высоты уничтожить идущие постоянным курсом корабли противника, и совсем другое поразить бомбами активно маневрирующие цели, да еще и при противодействии истребителей.

Изначально я собирался сбросить бомбы на японские корабли, не снижаясь, то есть примерно с одиннадцати километров, где палубные истребители «Зеро»

и зенитная артиллерия не представляли для нас никакой опасности, но сработать такой план мог только в случае полной неожиданности нашей атаки. Даже при идеальном наведении попасть неуправляемой бомбой с такой высоты можно только в идущий с постоянной скоростью и не пытающийся уклоняться корабль. Естественно, резервный план у нас был, хоть я и надеялся, что прибегать к нему не придется. Надеялся, как оказалось, напрасно.

– Группе приступить к снижению. «Седьмой» и «Двенадцатый», осветить цели!

Мы находились уже практически над японскими кораблями. Внизу, естественно, ничего видно не было, и без подсветки никто кроме меня атаковать цели не мог. Помощь Летры здесь тоже была не слишком эффективной. Наводить по радио самолеты на маневрирующие цели крайне сложно в силу слишком быстрого изменения их координат и вполне естественного запаздывания реакции пилотов на команды.

Внизу вспыхнула россыпь ярких огней – над кораблями противника повисли «люстры» осветительных бомб. Поняв, что обнаружены, японские зенитчики включили прожекторы, пытаясь помочь своим пилотами и зенитчикам увидеть цели.

– Истребителям расчистить небо!

Японские самолеты, взлетевшие с палубы «Дзуйкаку», далеко от кораблей не уходили, патрулируя небо на высоте около тысячи метров. Нас они не видели, но надеялись перехватить бомбардировщики в момент захода в атаку на авианосец. Вот только первыми над японскими кораблями появились «Илы» в истребительном снаряжении. Короткая схватка, в которой обе стороны лихорадочно пытались рассмотреть друг друга в неверном и слишком контрастном свете «люстр», породила в небе хаос. Восемнадцать «Зеро», попытались вцепиться в восемь двухмоторных «Илов», ориентируясь на яркие конусы выхлопов их турбо-реактивных двигателей, но догнать эти довольно крупные самолеты японцам оказалось неожиданно сложно.

Огненные трассы перечеркнули небо. Один из японских самолетов вспыхнул и, распадаясь на части, рухнул в темные волны. Кто-то из «Илов» попал в луч прожектора, установленного на носу эсминца, и с кораблей к самолету потянулись цепочки снарядов. Впрочем, цель оказалась для японских

зенитчиков слишком быстрой, и почти сразу вышла из зоны обстрела.

– Истребители уводят японцев за собой, – доложил Кудрявцев, – Разрешите начать атаку основной цели?

На самом деле в погоню за нашим истребительным прикрытием бросились не все «Зеро». Семь японцев остались прикрывать авианосец, но вряд ли они могли нам серьезно помешать.

– Начинаем заход на цели. «Девятнадцатый» и «Двадцатый», вы атакуете эсминцы. «Седьмой» и «Двенадцатый», за вами подсветка и фотофиксация результатов удара. Для остальных цель – авианосец.

Пусть и предупрежденные заранее о нашей атаке, японцы могли лишь затруднить нам выполнение задачи, но с их средствами противодействия шансов отбиться у авианосца не было. Вот только командир «Дзуйкаку» об этом не знал, да и сдаваться ему в любом случае не пришло бы в голову.

?

Капитан первого ранга Йокогава почти сразу понял, что его корабль атакует необычный противник. Об этом говорило хотя бы то, что об опасности его предупредили радиограммой из Токио. Откуда они могли узнать о готовящемся ударе по «Дзуйкаку»? Агентурные сведения? Но они не приходят настолько оперативно. И ведь предупреждение поступило весьма своевременно – он едва успел поднять с палубы истребители.

В радиограмме не было сказано, чьи самолеты приближаются к кораблям Йокогавы с северо-запада. Понятно, что скорее всего это были американцы или англичане, но таких машин пилоты с «Дзуйкаку» раньше никогда не видели. В начале атаки пропала радиосвязь. Примерно минуту эфир был плотно забит помехами, но потом они неожиданно исчезли, и пилоты «Зеро» смогли доложить на корабль, что имеют дело с очень быстрыми двухмоторными истребителями, вооруженными мощными авиапушками и оставляющими за собой в полете короткие, но ярко светящиеся следы.

Луч прожектора на несколько секунд выхватил из темноты силуэт вражеского самолета, и Йокогава убедился в том, что ничего похожего действительно никогда не встречал. И все же это были всего лишь истребители. Они не пытались атаковать корабли и, похоже, просто не имели бомбового вооружения. Йокогава не верил в то, что противник нашел их в ночном море исключительно для того, чтобы поиграть в догонялки с «Зеро» его авиагруппы, а значит, это лишь отвлекающий маневр, и где-то в темноте готовятся к атаке вражеские бомбардировщики. Их не видно и, судя по всему, расчеты зенитных орудий заметят самолеты противника только когда они окажутся уже над кораблем. Командир авианосца был неприятно удивлен тем, насколько легко вражеские пилоты ориентируются в ночном небе, но изменить он ничего не мог, и этот факт следовало просто принять и действовать дальше, исходя из новых реалий. С какого направления он сам стал бы атаковать свои корабли? Часть авиагруппы «Дзуйкаку» оттянута на запад в попытке догнать и уничтожить истребители противника. Эсминцы и авианосец маневрируют, но сохраняют общий вектор движения на юго-восток. Ветер умеренный и особой роли сыграть не может…

Йокогава закрыл глаза, постаравшись отвлечься от звуков боя и прислушаться к своей интуиции. Эта война многому его научила, и, в первую очередь, опыт подсказывал командиру «Дзуйкаку», что в условиях недостатка сведений о противнике не следует пренебрегать собственными предчувствиями, ведь они основаны не на мистике, а на подсознательном обобщении мозгом всей имеющейся информации.

– Атака бомбардировщиков с северо-запада! – в голосе Йокогавы, стальной струной зазвеневшем в боевой рубке «Дзуйкаку», подчиненные не услышали ни тени сомнений. – Высота полторы тысячи. Истребителям перехватить противника! Всем средствам ПВО открыть заградительный огонь!

?

«Илы», вооруженные бронебойными бомбами, легли на боевой курс. Под нами виднелась россыпь ярких пятен медленно опускающихся на парашютах «люстр», в свете которых были неплохо видны извилистые кильватерные следы, оставляемые отчаянно маневрирующими японскими кораблями.

На виртуальной карте Летра подсвечивала для меня оптимальную траекторию атаки. Ведомые ориентировались по выхлопу двигателей моего самолета,

стараясь повторять все мои действия. Противник бессистемно шарил лучами прожекторов по небу. Зенитки молчали – их расчеты не видели целей. «Зеро», пытавшиеся прикрывать авианосец, тоже действовали каждый сам по себе, осуществляя слепой поиск противника в темном небе. Я не видел причин для особого беспокойства… И вдруг все изменилось.

– Опасность! – взвизгнул искусственный интеллект голосом Летры!

Японские корабли разом выдохнули огонь. Десятки стволов запульсировали вспышками выстрелов, и к нам потянулись огненные пунктиры трассеров. Впервые за эту войну я видел, как Летра растерялась. На виртуальной карте высветилось сразу несколько возможных курсов уклонения, но с каждой секундой в небе появлялись все новые сотни летевших к нам пуль и снарядов, и траектории, только что казавшиеся безопасными, превращались в смертельные ловушки.

Как японцы узнали о нас? Они просто не могли нас видеть, но заградительный огонь был открыт именно в тот момент, когда наши машины оказались наиболее уязвимы. Я бросил «Ил» вниз-вправо, уже понимая, что увернуться от вражеского огня не успеваю. Самолет дважды ощутимо вздрогнул. В боковом остеклении кабины образовалась дыра и одновременно мне по голове чем-то изрядно прилетело. Сознания я не потерял, хоть все вокруг и расплылось, как будто я вдруг взглянул на окружающий мир через слой текущей воды. По лбу пробежала горячая струйка крови, но зрение постепенно возвращалось в норму.

– Повреждение правого двигателя! – в голосе Летры звучали панические нотки. – Через минуту начнется перегрев, через три – пожар. У тебя сильная контузия. Соберись, лейтенант, иначе все будет зря!

Где-то за моей спиной в небе вспыхнул огненный шар. Кто-то из наших очень неудачно поймал снаряд, заставивший сдетонировать бомбы, но на этом везение японских зенитчиков закончилось. Мы проскочили зону заградительного огня, и я с усилием, отозвавшимся вспышкой головной боли, вновь вернул самолет на боевой курс. Вот он, авианосец «Дзуйкаку», не уступающий по бронезащите тяжелому крейсеру, но за счет огромной массы не столь маневренный, как эсминцы.

Я немного подправил курс, ориентируясь на подсказки Летры. Еще пара секунд… Сброс!

Внизу и немного впереди темноту ночи разорвала яркая вспышка. Кто-то из пилотов Кудрявцева сбросил бомбу объемного взрыва на японский эсминец. Точного попадания добиться не удалось, но близкий взрыв АБОВ-1000 стал для легкого корабля фатальным. На эсминце вспыхнул пожар и почти сразу во внутренних отсеках что-то взорвалось, выбросив в небо струи огня и веер раскаленных обломков.

Спустя секунду мои бомбы ударили в небронированную полетную палубу «Дзуйкаку» в двадцати метрах друг от друга, пробив ее и проникнув в расположенные ниже двухъярусные самолетные ангары. Через полминуты корабль потрясли еще три взрыва – Кудрявцев и двое из его летчиков тоже не промахнулись. Недостатком проекта «Дзуйкаку» было отсутствие бронезащиты топливных цистерн и бензопроводов, и это упущение оказалось для корабля смертельным. Бронепалубу, отделявшую самолетные ангары от внутренних отсеков корабля, пробили только две бомбы, но устремившееся в проломы горящее топливо сделало невозможной дальнейшую борьбу за живучесть тяжело поврежденного авианосца.

Углекислотные системы пожаротушения не были рассчитаны на пожар такого масштаба, и пламя быстро охватило весь корабль. В раскаленной топке сгорающего авиатоплива начали взрываться авиабомбы и торпеды, приготовленные для подвешивания на стоявшие в ангарах самолеты. Все это я внимательно рассмотрел уже только в записи, сделанной Летрой. В тот момент у меня были совершенно другие проблемы.

– Пожар правого двигателя! – паника из голоса Летры исчезла, но звучал он мрачно и обеспокоенно. – Двигатель отключен… Пожар потушен. Лейтенант, на одном двигателе до аэродрома ты не дотянешь.

– А до китайского берега?

– Может быть. С местной техникой, особенно поврежденной, все прогнозы надежностью не отличаются.

– Группа, здесь «Крейсер», – я вышел на связь на общей волне. – Курс – северо-запад! Поздравляю с успешным выполнением боевой задачи! «Второму» провести перекличку и доложить о потерях и повреждениях.

На виртуальной карте я и так видел, что мы потеряли две машины и еще три самолета получили осколочные попадания, почти не сказавшиеся на их скорости. Прозвучавший минут через пять доклад Кудрявцева, естественно, совпал с этими данными.

В отличие от остальных самолетов группы, мой «Ил» был одноместным. По моему приказу его переделали еще в Союзе, так что теперь кроме меня о состоянии моей машины не знал никто. Группа постепенно уходила вперед к китайскому берегу, а я на своем единственном двигателе все больше от нее отставал. Пора было ставить Кудрявцева в известность о моих проблемах.

– «Второй», здесь «Крейсер». Принимай командование группой. У меня разбит правый двигатель. Быстрее пятисот лететь не могу. Постараюсь дотянуть до берега и буду прыгать. Твоя задача довести наших домой. Перед прыжком сообщу свои координаты, и вы сможете меня найти, но сначала мне нужно, чтобы все приземлились целыми. Если что, вернусь и лично спрошу по всей строгости. Задача ясна?

– «Крейсер», здесь «Второй», – через пару секунд ответил Кудрявцев, – скоро взойдет солнце, и тебя перехватят японские истребители с Тайваня. До китайского берега ты не долетишь.

– Выполняйте приказ, генерал!

– «Седьмому», «Четырнадцатому» и «Пятнадцатому» продолжать полет прежним курсом. – Проигнорировав мои слова, стал отдавать распоряжения Кудрявцев. – «Третьему» и «Девятнадцатому» сопроводить поврежденные машины до аэродрома. Остальной группе скорость четыреста пятьдесят. Взять под охрану поврежденную машину командира.

– Невыполнение приказа в боевой обстановке, товарищ Кудрявцев? Под трибунал захотели?

– Да можно и под трибунал, товарищ генерал-полковник. Но только по вашему письменному приказу.

Я молча усмехнулся. Отдать приказ в письменной форме у меня будет возможность только если я доберусь до своих, чего, собственно, «Второй» и добивается. Что ж, пусть будет так, тем более что Кудрявцев прав – нарваться на японцев по пути к китайскому берегу я действительно могу.

Голова болела все сильнее.

– Летра, чем меня так приложило?

– Осколок бронестекла. Близкий взрыв зенитного снаряда. Тебе ещё повезло.

– Это я и сам понимаю, – я попытался кивнуть, что привело к приступу головокружения.

И это я так хреново себя чувствую даже под действием «боевого коктейля». Без него я давно бы вырубился.

В системе управления «Ила» Летра повреждений не обнаружила, но чем дальше, тем больше мне казалось, что самолет плохо меня слушается. Пришлось забыть обо всем остальном и сосредоточиться исключительно на пилотировании.

– Командир, как машина? – прозвучал в наушниках вопрос Кудрявцева, отозвавшийся в моей голове каким-то странным эхом. Удары по черепушке чреваты последствиями. То ли у меня там что-то сдвинулось, то ли это побочное действие впрыснутой в кровь химии.

– Летит пока… – с трудом выдавил я из себя ответ.

– Голос у тебя странный. Ты не ранен?

– Осколком остекления по голове получил, но пока ситуацию контролирую.

– Так… Держись и ни на что не отвлекайся. Тебе главное до земли дотянуть, прыгнуть нормально и приземлиться, не сломав шею. Остальное мы сделаем.

Со мной на связь Кудрявцев больше не выходил, но Летра транслировала мне его переговоры и команды. Для начала генерал-майор поднял по тревоге весь полк. Наверное, это было разумно, особенно с учетом того, что на тайваньской авиабазе японцев началась нездоровая суета. На аэродроме к югу от Гонконга эскадрильи «Зеро» тоже готовились к взлету. Похоже, самураям сильно не понравилось то, что мы сделали с «Дзуйкаку». Они жаждали мщения, и в этом стремлении им кое-кто был не прочь немного помочь.

?

Заснуть этой ночью лейтенант госбезопасности Игнатов так и не смог, и, судя по всему, на авиабазе под Чунцином он был такой не один. Лейтенант вышел из офицерского блиндажа вдохнуть свежего воздуха, которого снаружи, сказать по правде, тоже было немного. Душная безветренная ночь давила на психику, мерцая с темного неба россыпью звезд. На фоне укрытых маскировочными сетями самолетов лейтенант не сразу заметил одинокую женскую фигуру – Лена тоже решила выйти на воздух.

– Они должны вернуться с рассветом, – произнесла она, когда Игнатов подошел и встал рядом. – Мне неспокойно, я чувствую, что что-то случилось.

– Так всегда бывает, когда очень ждешь возвращения близкого человека, – Игнатов попытался ее успокоить. – Нервы…

– Нервы тут ни при чем, – она отрицательно качнула головой. – В этот раз, когда он уходил, я не чувствовала в нем уверенности. Что-то Петру не нравилось, но он не сказал, что именно. И Кудрявцев тоже вел себя как-то странно. Я слышала, как он рассказывал начальнику штаба полка, что раньше Нагулин никогда не менял своих решений, а тут почти сразу согласился удвоить количество самолетов, выделенных для операции.

Игнатов молчал, обдумывая услышанное, и Лена вновь заговорила:

– Нет ничего хуже, чем вот так стоять и ждать…

Визг сигнала тревоги разорвал ночную тишину. Этот звук не означал нападения на базу, но что-то важное, несомненно, произошло. Лена и Игнатов сорвались с места, стремясь как можно быстрее добежать до блиндажа полковника Лебедева, которому они оба сейчас подчинялись.

Через минуту в блиндаже уже собралась вся их сводная команда. Лебедев только что закончил говорить с начальником штаба авиаполка. Летчик выбежал наверх, как будто за ним кто-то гнался. Такой прыти за уже немолодым подполковником Игнатов раньше ни разу не замечал, и это напрягло его еще сильнее, чем только что прекративший завывать сигнал тревоги.

Лебедев обвел подчиненных тяжелым взглядом, на долю секунды задержав его на Лене.

– Авиагруппа генерал-полковника Нагулина выполнила боевую задачу, – напряженным голосом произнес полковник, – авианосец «Дзуйкаку» уничтожен. Группа потеряла две машины и сейчас приближается к китайскому побережью. Командирский «Ил» получил боевые повреждения. Сам Нагулин ранен и пытается дотянуть машину до берега, где он сможет покинуть самолет с парашютом. Авиагруппа его прикрывает, но с рассветом японцы могут атаковать их превосходящими силами. Генерал-лейтенант Кудрявцев передал по радио приказ поднять полк в воздух и пресечь попытки противника уничтожить возвращающиеся с задания машины.

– Насколько тяжелое ранение? – не выдержав, перебила командира Лена.

– Сильная контузия. Более точных сведений нет, – Лебедев сделал вид, что не заметил нарушения субординации. – Отряд, слушай боевую задачу. Сейчас мы грузимся в транспортный самолет и вылетаем сразу за машинами авиаполка. Генерал-полковник Нагулин сообщит нам точные координаты места, где он покинет поврежденный самолет. Мы немедленно выходим в эту точку и осуществляем десантирование. Летчики Кудрявцева нас прикроют. Наша цель – найти товарища Нагулина, оказать ему помощь и обеспечить выход к своим. Вопросы?

?

Мне становилось все хуже. Головная боль усилилась, руки на штурвале ощутимо дрожали.

– У тебя сильнейшее сотрясение мозга, – прокомментировала мое состояние Летра. – Для любого местного это было бы смертельно, но твой организм должен справиться. Ничего необратимого с твоей головой не случилось. Нужен покой и глубокий медикаментозный сон с форсированной регенерацией.

– Издеваешься? Какой тут покой? Разве что вечный… Его мне японцы как раз готовятся обеспечить.

Японцы готовились. И даже уже приступили. С Тайваня двумя волнами взлетело шесть десятков истребителей. В обычной ситуации они бы нас не догнали, но сейчас… По нашим меркам группа еле плелась. Высота две тысячи, скорость четыреста. Больше мой единственный движок выдать не мог – начинал перегреваться. По расчетам Летры выходило, что противник догонит нас как раз над побережьем, а «Зеро», взлетевшие из окрестностей Гонконга, подтянутся туда еще раньше. Правда, к этому времени нам на помощь должны прибыть основные силы полка Кудрявцева и устроить японцам горячую встречу, вот только вся эта воздушная мясорубка начнется именно там, где мне предстоит покинуть самолет, если, конечно, я еще буду в сознании, что с учетом динамики моего самочувствия совсем не гарантировано.

Я недооценил ярость противника. Тайвань и Гонконг стали только началом. Еще одна большая группа японских истребителей взлетела с аэродромов, расположенных вокруг Шанхая, причем наш курс и скорость им явно были известны, как и то, что свернуть куда-то в сторону мы не можем. Японцы зажимали нас с трех сторон, намертво захлопывая ловушку, вырваться из которой по их расчетам мы не имели никакой возможности.

– Я проанализировала состояние отключенного двигателя, – Летра, похоже, все это время тоже пыталась найти выход из сложившейся ситуации, – Он остыл, и, если тебя сильно прижмут, можешь попытаться снова его запустить. Есть неплохой шанс, что это получится, но проработает он не больше трех-четырех минут, повреждения-то никуда не делись. Потом опять возникнет пожар, и потушить его будет уже невозможно.

– У меня боковое остекление кабины повреждено. Максимальную скорость все равно набрать не получится.

– О максимальной никто ни не говорит, но до шестисот ты разгонишься, и этого должно хватить, чтобы немного оторваться от «Зеро» или выйти из зоны «собачьей свалки».

– Принято, – спорить с Летрой у меня не было ни сил, ни желания – голова просто раскалывалась.

?

– Дерьмовые у наших азиатов самолеты, командир, – презрительно произнес зам по вооружению, скептически глядя на голографическую проекцию района боевых действий. – Ни скорости, ни брони, ни оружия нормального.

– А чего ты хотел от дикарей? – хмыкнул Хирч. – На этой планете везде так – сплошной примитив.

– Не скажи. Авианосец завалили машины классом повыше.

– Да тоже не шедевр, – пожал плечами капитан-лейтенант, – хотя по сравнению со всем, что мы здесь видели раньше, их характеристики впечатляют. Не зря вычислитель сразу выделил эту авиачасть, как нечто требующее нашего внимания. Да и научные сателлиты на орбите тоже явно играют на их стороне – наши дроны не просто так не смогли заблокировать им связь.

– И тем не менее, они уже потеряли два самолета и еще один до базы точно не дотянет.

– Никто из них не дотянет. Мы же скинули японцам информацию о курсе их отхода. Дальше, я надеюсь, наши подопечные сами все сделают. Ты мне лучше вот что скажи, Корф, – командир эсминца пристально посмотрел на подчиненного. – Откуда в этой дыре, называемой Китаем, взялись такие самолеты? Ничего похожего нет ни у кого из участников конфликта, а у китайцев есть.

– Китайцы здесь, скорее всего, ни при чем. Опознавательные знаки на крыльях можно нарисовать любые, так что китайская принадлежность этих самолетов, скорее всего, фикция, – включился в обсуждение начальник инженерной службы. – К сожалению, база данных со взломанного нами спутника содержит только информацию до начала сорок первого года. На тот момент ни одно государство на этой планете даже близко не было готово к серийному выпуску чего-то подобного.

– Откуда бы ни взялись эти машины, они могут помешать нашим планам, особенно если их появится много, – ответил Хирч, продолжая наблюдать за тем, как на виртуальной карте загораются все новые отметки японских истребителей, взлетающих для перехвата китайских самолетов. – Нужно пресечь их производство, а для начала хотя бы понять, где их делают.

– Скорее всего, в США или Великобритании. Германия не стала бы поставлять оружие в Китай, а все остальные совершенно точно не доросли до подобных технологий, – предположил инженер.

На голограмме вспыхнула россыпь красных точек.

– Наблюдаю взлет китайских истребителей-бомбардировщиков с базы под Чунцином, – доложил оператор контроля пространства, – самолеты одного типа с теми, что утопили японский авианосец. Пятнадцать машин уже в воздухе, еще сорок три готовятся к взлету.

– Ну что ж, в ночном бою мы их уже видели, – усмехнулся Хирч, – посмотрим, на что они способны днем. Сколько самолетов японцы успеют стянуть к месту боя?

– Сто тридцать «Зеро» морской авиации и около сотни армейских И-1 «Сокол». Почти трехкратный перевес.

– Вычислитель, прогноз результатов боя.

– Мало данных о возможностях китайских самолетов, – бесцветным голосом ответил искусственный интеллект. – В бою с японскими кораблями они несли разные типы вооружения. Возможна высокая погрешность оценки.

– Озвучь наиболее вероятный сценарий.

– Потери с обеих сторон до семидесяти процентов машин при общем неопределенном результате. Бой прекратится сам собой по причине исчерпания уцелевшими противниками боезапаса и топлива.

– Это нам подходит, – губы командира эсминца искривились в довольной усмешке.

?

Похоже, я на какое-то время все же вырубился или впал в полубессознательное состояние, но штурвал из рук, тем не менее, не выпустил. Когда я вновь смог воспринимать окружающую действительность, впереди виднелся изрезанный бухточками и заливами гористый берег.

– Очнись, лейтенант! Тебя сейчас собьют! – бьется в моей голове голос Летры.

Рассветное небо полыхает тысячами огней. Воздух рвут росчерки трассирующих пуль и снарядов. Вспышки, шлейфы дыма и падающие в воду и на скалы горящие обломки. Впереди мелькает силуэт «Зеро», пытающегося зайти в хвост «Илу». Руки сами тянут штурвал на себя и влево, подправляя курс. Очередь! Вспышка! От хвоста японского самолета летят какие-то обломки…

– Ирс, ты что творишь?! – это Летра.

– Командир, ты меня слышишь?! – это уже Кудрявцев. – Выходи из боя! Куда тебе на этом подранке воевать? На берегу тебя встретят. Лебедев со своими людьми уже в воздухе. Не лезь в эту драку!

– Лейтенант, ты своим только мешаешь! – вбрасывает новый аргумент Летра, – Они прикрывают твою машину и вынуждены сами вести бой на низких скоростях. Уходи к берегу!

Да, это серьезно. Летра, несомненно, права, как прав и Кудрявцев, а я просто отвратительно соображаю и действую на одних рефлексах. Что там моя подруга говорила о правом двигателе? Пожалуй, самое время. «Ил» дергается и

выплевывает из сопла поврежденного движка длинную и какую-то неровную струю огня, но меня ощутимо вжимает в кресло. Воздух с ревом врывается в пробоину в остеклении. Хорошо, что осколок прилетел не в лобовую часть кабины.

Я со снижением ухожу к берегу, вырываясь из «собачьей свалки». За мной суется японский «Сокол», но его немедленно срубает очередью из пушки кто-то из наших. Вижу впереди-справа горящий «Ил». Его охваченный огнем двигатель окутывается дымом и паром – срабатывает автоматическая система пожаротушения, но повреждения слишком значительны. Крыло выгибается под неестественным углом и переламывается, а самолет срывается в беспорядочное падение.

Все это я отмечаю лишь краем сознания. Мне по-прежнему очень плохо, и я с трудом удерживаю в фокусе внимания двоящуюся и прыгающую из стороны в сторону береговую линию. Самолет продолжает разгоняться. Что-то бубнит в моей голове Летра, где-то на заднем плане слышен забористый мат Кудрявцева, а я сжимаю штурвал и стараюсь не обращать внимания на то, что самолет начинает все сильнее трясти и раскачивать.

Шею пронзает резкая боль. Похоже, Летра задействовала крайнее средство – заставила имплант выдать шоковый разряд. Это немного приводит меня в себя и в уши врывается крик Кудрявцева:

– Командир, ты горишь! Прыгай немедленно!

Правое крыло охвачено огнем. Самолет вибрирует, как будто в него бьют десятки тяжелых молотов, но внизу уже мелькают поросшие редким лесом холмы. Я нащупываю рычаг катапульты и резко тяну его на себя. Колпак кабины с хлопком отлетает куда-то вверх и назад, и могучий пинок порохового заряда выбрасывает меня из гибнущей машины вместе с креслом. Как хорошо, что я настоял на оборудовании новых «Илов» этим устройством, изготовленным для нас в США – сам бы я точно не выбрался.

Над головой с хлопком раскрывается купол парашюта. Очередной рывок снова отправляет меня в бессознательное состояние, но длится оно недолго. Летра вновь заставляет меня очнуться все тем же изуверским способом. Откуда-то сбоку выныривает японский «Зеро» и начинает разворачиваться в мою сторону.

Судя по всему, это последние секунды моей жизни. Все-таки я доигрался, а жаль, все так неплохо складывалось.

Почему молчит Летра? Наверное, ей просто нечего мне сказать – сделать в такой ситуации все равно ничего нельзя. Еще пара секунд и я окажусь в прицеле японского пилота… Хочется закрыть глаза, но я заставляю себя смотреть на приближающуюся смерть. В уши врывается грохот авиационных пушек, а вот вспышек я почему-то не вижу. Наверное, меня подводит зрение или я просто уже мертв и это выверт гаснущего сознания… На атакующем истребителе скрещивается сразу несколько трасс пушечных снарядов. «Зеро» буквально разрывает на части. Он даже не вспыхивает, а так и устремляется к земле грудой бесформенных обломков. Прямо над моей головой с ревом проносятся три «Ила». Кажется, список моих долгов в этом мире пополнился еще на несколько строчек.

Земля бьет по ногам. Боли я не чувствую, по сравнению с раскалывающейся головой эти ощущения слишком слабы. Оглядываюсь вокруг и вяло гашу купол парашюта. Ветра нет. Хоть в этом мне повезло, иначе при приземлении могли бы возникнуть проблемы. Над головой все еще кипит воздушный бой, но его интенсивность уже явно снижается.

Отстегиваю стропы и пытаюсь встать на ноги.

– Лейтенант, ты уже почти все сделал, – вновь прорезается в голове голос Летры. – Осталось совсем чуть-чуть. Нужно укрыться под деревьями. Видишь прямо перед собой небольшую рощу? Там относительно безопасно. Это всего восемьдесят метров вниз по склону. Давай, у тебя получится.

Встать я не могу, но ведь можно и ползти. Хорошо, что вниз. Перед глазами все плывет. Колени и локти загребают сухую землю, в рот и нос набивается пыль и какая-то сухая растительная мелочь. Сколько я уже ползу? Пять минут? Десять? Вокруг становится заметно темнее, и через несколько метров я останавливаюсь, пытаясь понять, что произошло.

– Все, Ирс, ты на месте, – в голосе Летры слышится явное облегчение, – Самолет с группой полковника Лебедева уже на подходе. Можешь смело отключаться.

Я со стоном переворачиваюсь на спину и закрываю глаза. Мир вокруг гаснет.

Глава 4

Телефонный звонок оторвал полковника Шлимана от работы над очередной аналитической справкой, внезапно потребовавшейся Генштабу сухопутных сил.

– Эрих, ты мне нужен, – прозвучал в трубке сосредоточенный голос генерал-майора Рихтенгдена. – Прямо сейчас.

– Генрих, мне бы еще полчаса, я уже почти закончил эту…, – попытался было отмазаться Шлиман, нагло пользуясь дружескими отношениями с начальником.

– Потом допишешь, – отрезал Рихтенгден. – Жду тебя внизу, на минус втором, в моем резервном кабинете.

– Уже иду.

Шлиман не стал задавать больше никаких вопросов. Минус второй этаж – это серьезно. Раньше там размещалось бомбоубежище, да, в принципе, подземный этаж и сейчас выполнял те же функции, но после ликвидации Гитлера и получения новой должности Рихтенгден оборудовал там отдельный кабинет, защищенный всеми возможными способами от любых известных на данный момент методов прослушивания. Всех деталей Шлиман не знал, но, вроде как, его друг детства постарался защититься не только от существующих, но и от перспективных средств технической разведки. И это здесь, в центре Берлина, за несколькими охранными периметрами! Еще год назад Шлиман счел бы подобные действия пустой блажью и разбазариванием ресурсов, но с тех пор многое изменилось, и теперь он относился к нововведению Рихтенгдена с полным пониманием.

Генерал Рихтенгден молча указал Шлиману на удобное кресло у стены, а сам вышел из-за стола и опустился в такое же кресло напротив. Их разделял только журнальный столик, на котором стоял графин с водой и пара стаканов.

– Кое-что случилось, Эрих, – негромко произнес Рихтенгден, когда Шлиман устроился в кресле и остановил на нем выжидательный взгляд.

– Это я уже понял, – усмехнулся Шлиман, – не тяни, даже плохие новости лучше, чем неизвестность.

– Я бы не назвал эту новость плохой, но она многое меняет. Пожалуй, я не буду забегать вперед и начну с самого начала. Сегодня сюда приезжал адмирал Канарис.

– Даже так? Не вызвал к себе, а приехал сам? – чуть изогнул бровь Шлиман.

– Он знает об этом месте, и, похоже, теперь окончательно убедился, что я не зря вбухал столько рейхсмарок в его оборудование. Так что пришлось ему прокатиться сюда.

– Опять что-то, связанное с Нагулиным?

– И да, и нет, – неопределенно качнул головой Рихтенгден. – Адмирал получил очень важную информацию, причем получил лично. Именно это и заставило его приехать ко мне. Способ передачи сведений оказался весьма необычным. С Канарисом связались, используя его домашний радиоприемник. Связь, естественно, была односторонней, но невидимый собеседник прекрасно знал, какие вопросы могут возникнуть у адмирала. После завершения сеанса Канарис немедленно затребовал отчет у службы пеленгации. Ты же знаешь, что в Берлине ни одна рация не может выйти в эфир, не будучи мгновенно обнаруженной.

– И, конечно же, они ничего не слышали, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Шлиман.

– Абсолютно. Ни один пеленгатор не засек посторонних радиопередатчиков.

– Я могу узнать, что сообщили адмиралу?

– Можешь. Мне поручено заняться этим делом, так что и ты не отвертишься. Канарису очень подробно и аргументированно объяснили, что шифровальная машина «Энигма» совсем не так хороша, как нам это представлялось, и англичане давно читают переписку наших штабов, как открытую книгу. Люфтваффе, кригсмарине, сухопутные войска – всё самое важное из того, что

они передают по радио, ложится Черчиллю на стол в расшифрованном виде, причем уже не первый месяц.

– Источник не назвался?

– Нет. Сказал только, что он патриот Германии и еще пару ничего не значащих фраз в том же духе.

– Провокация?

– Не похоже. Информация уже проверяется, но у адмирала сомнений в ее правдивости нет. Его собеседник был очень убедителен.

– То есть кто-то непонятный просто взял и слил Абверу достоверную информацию огромной важности, и при этом совершенно неясно, как он сам ее получил и с какой целью передал нам. Я ничего не упустил?

– Ты все понял правильно. А теперь давай уже я задам тебе вопрос. Эрих, тебе это ничего не напоминает? Кто еще из известных нам фигурантов столь же легко получает любую нужную ему информацию, независимо от уровня ее секретности, и немедленно использует ее в своих целях?

– Ну, не любую…

– А ты уверен, что не любую? Впрочем, ты прав. Кое-что скрыть удавалось, именно поэтому я и надеюсь на этот кабинет.

– Русский стрелок? Но зачем ему помогать нам? Он ведь, вроде бы, наш противник. Хотя, подожди… – Шлиман резко подался вперед и впился взглядом в глаза Рихтенгдена.

– Вижу, мы с тобой пришли к схожим выводам, – устало усмехнулся генерал. – Кто нам сказал, что русский стрелок уникален? Таких как он может быть несколько, и, возможно, кто-то из них решил сыграть на нашей стороне. Понять бы еще для чего ему это нужно…

?

– Господин президент, вы поручили мне взять под личный контроль деятельность генерала Нагулина в Китае и немедленно докладывать вам о любых связанных с ним новостях.

– Да, Гарри, я помню о своей просьбе, – кивнул Рузвельт и оторвал взгляд от очередного министерского отчета.

– Четыре часа назад станции радиоперехвата «Ка?ст» и «Ха?йпо» зафиксировали интенсивный обмен сообщениями между Главным штабом японского флота в Токио и их базой на Тайване. В течение двух часов интенсивность радиообмена возрастала и в него последовательно включались авиабазы противника в Гонконге, Шанхае и северной части Индокитая. Дешифровка сообщений заняла некоторое время, но результат того стоил. Группа истребителей-бомбардировщиков с опознавательными знаками Китайской Республики вторглись в контролируемое японцами пространство со стороны китайского побережья. Они совершили отвлекающий маневр, имитируя ночной налет на Тайвань, после чего, обогнув остров, настигли в море тяжелый авианосец «Дзуйкаку», следовавший на юго-восток в сопровождении двух эсминцев. В результате предпринятой ими атаки «Дзуйкаку» и один из эсминцев потоплены.

– Я ждал чего-то подобного, – усмехнулся Рузвельт. – Мне с самого начала казалось, что Нагулин не станет размениваться на мелкие локальные операции, а сразу решит показать нам, что мы не зря восприняли его обещания всерьез. Но тяжелый авианосец… Пожалуй, этот молодой генерал еще раз сумел меня удивить.

– К сожалению, не все прошло так гладко, как хотелось бы, – без улыбки ответил Гопкинс. – Японцы знали о предстоящем нападении, и авианосец успел поднять истребители, а эсминцы открыли заградительный огонь по приближающимся советским самолетам. Русские понесли потери. Точных сведений о количестве сбитых машин нет.

– Генерал Нагулин принимал участие в атаке?

– Судя по информации, полученной нашими военными советниками от китайских союзников, Нагулин возглавил ударную группу, атаковавшую «Дзуйкаку».

– Он выжил?

– Его судьба не вполне ясна. Известно, что в бою с японскими кораблями Нагулин не погиб, однако все дальнейшие приказы, исходили не от него, а от генерала Кудрявцева, тоже принимавшего участие в атаке на авианосец. После уничтожения «Дзуйкаку» проблемы русских не закончились. Японцам каким-то образом стал известен маршрут их отхода. В составе группы были поврежденные машины, которые не могли держать высокую скорость, и над побережьем их перехватили истребители противника, однако к русским успело подойти подкрепление, вызванное Кудрявцевым. В воздушном бою с японской стороны принимало участие более двухсот самолетов против примерно шестидесяти советских двухмоторных истребителей-бомбардировщиков.

– Нехороший расклад, – негромко произнес Рузвельт.

– Безусловно. Однако назвать результат боя поражением русских я не могу. Обе стороны понесли большие потери, но отступить пришлось все же японцам. Сейчас советские летчики возвращаются на свой аэродром. Нагулина среди них нет. Наш советник при штабе Чан Кайши пытался выяснить подробности, но генералиссимус не торопится делиться информацией, а возможно, и сам не владеет ей в полном объеме. Известно только, что китайцы послали к месту воздушного боя спецгруппу, составленную из лучших выпускников военной школы «Вампу» с задачей обеспечить спасение и эвакуацию выживших членов экипажей сбитых русских самолетов. Русские тоже отправили свою группу. Китайский персонал аэродрома по Чунцином, где разместился советский авиаполк, оказался довольно разговорчивым. Они видели, как группа хорошо вооруженных десантников грузилась в транспортный самолет, вылетевший сразу за истребителями, отправленными на помощь авиагруппе Нагулина.

– Так… – Рузвельт с видимым усилием поднялся и сделал несколько шагов по кабинету. Гопкинсу бросилось в глаза, что с момента их последней встречи движения президента стали заметно увереннее. – Что мы имеем в сухом остатке? Русские утопили тяжелый авианосец «Дзуйкаку», понеся при этом потери и вляпавшись в серьезные проблемы при отходе. В последовавшем за этим воздушном сражении они сбили неизвестное, но, судя по всему, весьма значительное число японских самолетов, заставив уцелевшие машины противника покинуть место боя. Результатом всех этих событий стало опять же неизвестное число русских летчиков, оказавшихся на слабо контролируемой

китайцами территории, причем с высокой вероятностью в их число входит генерал Нагулин, предположительно получивший в бою ранение неясной степени тяжести. При этом Чан Кайши немедленно предпринял действия, направленные на оказание помощи русским пилотам, направив на побережье своих лучших людей, а мы пока остаемся в стороне. Это нормально?

– Никаких формальных обязательств на такой случай у нас нет, – в голосе Гопкинса не чувствовалось уверенности, – но русские действовали в наших интересах, выполняя и даже, пожалуй, перевыполняя данные нам устные обещания…

– Вот и я о том же, – усмехнулся Рузвельт. – Чан Кайши сразу оценил потенциал русской техники и явно хочет показать Сталину, что Китай может стать надежным союзником. Не думаю, что в этом вопросе мы должны пропускать китайцев вперед. Кроме того, мы совершенно не заинтересованы в гибели генерала Нагулина. «Дзуйкаку» стал только началом, но если вытащить Нагулина не удастся, на этом все и закончится – я абсолютно уверен, что вся китайская миссия Советов держится именно на нем.

– С этим сложно спорить.

– Гарри, что у нас есть в этом регионе? Именно у нас, я сейчас не говорю о китайских дивизиях генерала Стилуэлла.

– Только авиация, да и то не самая современная.

– «Летающие тигры»?

– Да. Авиагруппа Клэра Шенно?лта в Куньми?не. Это около шестидесяти истребителей P-40 «Уорхоук». До последнего времени они в основном занимались прикрытием Бирманской дороги и Рангуна. Это все, что мы можем быстро использовать для помощи русским в эвакуации их пилотов из прибрежных районов юго-восточного Китая.

– Гарри, мне нужно, чтобы «Тигры» получили соответствующий приказ уже сегодня, причем как можно быстрее – на счету каждый час.

?

Очнулся я от назойливого зуда импланта за ухом. Голова продолжала болеть, но это была уже совсем не та боль, от которой я потерял сознание. Я лежал на мерно раскачивающихся носилках – меня куда-то несли, причем явно по пересеченной местности. Судя по тому, что Летра не выдернула меня из забытья раньше, прямо сейчас мне ничто не угрожало. Тем не менее, я не стал торопиться и сразу открывать глаза.

– Тебя и еще пятерых летчиков нашли люди полковника Лебедева, – поняв, что я пришел в себя, тут же сообщила Летра, – Здесь совершенно негде посадить самолет, а до ближайших китайских частей почти сорок километров, но это не самые большие проблемы. На побережье действует три крупных разведывательно-диверсионных отряда противника. Видимо, Императорский флот готовит очередной десант, и их послали сюда выяснить обстановку. У японцев есть связь с командованием. Два часа назад они получили приказ проверить местность в районе недавно завершившегося воздушного боя, а потом было еще несколько сеансов связи, которые я перехватить не смогла… В общем, на вас отрыта охота, и, если ты ничего не предпримешь, минут через двадцать ваш отряд попадет в засаду.

Не открывая глаз, я вызвал виртуальную карту. Отряд полковника Лебедева двигался среди довольно высоких холмов, покрытых густым южным лесом. Иногда прямо на крутых склонах встречались террасы полей, но выглядели они заброшенными – в местах, которые в любой момент могли захватить японцы, заниматься земледелием китайские крестьяне, похоже, смысла не видели. Да и сами местные жители нам не встречались. Слухи о том, как японские оккупанты обращаются с населением, распространялись быстро, и все, кто мог уйти вглубь страны, снимались с насиженных мест и превращались в беженцев.

Наш отряд, конечно, нельзя было назвать совсем уж ходячим госпиталем, но трое раненых, включая меня, сильно снижали его мобильность. Меня несли Игнатов и Никифоров. Еще одними носилками были заняты руки двух найденных людьми Лебедева пилотов. Третьего раненого нес еще один пилот вместе с радистом, которого по такому случаю освободили от переноски рации.

В лабиринтах то ли сопок, то ли просто высоких холмов, приходилось двигаться в основном по извилистым низинам, поскольку постоянно подниматься и спускаться по склонам с ранеными на руках было крайне затруднительно.

Полковник Лебедев в этих местах ориентировался с трудом, и, если бы не китайский проводник, держать нужное направление он смог бы разве что по компасу. А вот японцы чувствовали себя здесь куда увереннее. Зажали они нас довольно грамотно. Два отряда, человек по тридцать в каждом, двигались в пяти-шести километрах позади нас, охватывая группу Лебедева слева и справа, а впереди действительно ждала засада.

Я открыл глаза и встретился взглядом с Леной. Она шла рядом с моими носилками, не забывая внимательно оглядывать заросшие густой зеленью склоны в попытке разглядеть признаки опасности в мешанине ветвей и листьев субтропического леса.

– Там никого нет, я бы почувствовал, – я осторожно попытался улыбнуться, и у меня это даже получилось. Голова не отозвалась вспышкой боли, хотя я на это особо не надеялся.

– Ты как? – Лена порывисто шагнула ко мне и наклонилась над носилками.

Игнатов и Никифоров остановились и вперед, туда, где шел полковник Лебедев, полетел по цепочке бойцов негромкий доклад: «Командующий очнулся». Во как! Ну да, именно «командующий». Командир здесь Лебедев, и мне даже в голову не придет это оспаривать.

– Уже лучше, – я взял жену за руку и слегка приподнялся на носилках. Организм не протестовал. Даже головная боль еще немного отступила, зато рана на голове под плотной повязкой начала дико чесаться.

Бойцы аккуратно опустили носилки на траву. Я медленно поднял руку и ощупал голову. Здоровенная шишка чувствовалась даже через повязку, но, судя по всему, проломить кость осколку не удалось. Крепкие черепушки делают в Шестой Республике.

– Товарищ генерал-полковник… – это уже Лебедев, как всегда бесшумно нарисовавшийся рядом с нами.

– Спасибо, что вытащили, – я окинул взглядом бойцов отряда. – Кроме меня еще кого-то нашли?

– Пять человек. Двое ранены. Несем на носилках, – четко доложил Лебедев, – до мест, откуда нас смогут эвакуировать, километров пятьдесят по этим холмам. Час назад был последний сеанс связи с аэродромом. От полка осталась половина, но и японцев накрошили будь здоров, у берега все холмы обломками их истребителей усеяны. Думали кого-то из японских пилотов в плен взять и допросить, а выживших нет – не берут они с собой парашюты.

– Спокойно дойти нам не дадут, – я аккуратно сел, остановив жестом руки попытавшегося было возразить Лебедева. – Здесь вокруг полно японцев. Проводят разведку местности перед планируемым десантом. О нашем отряде они уже наверняка знают, так что скоро следует ждать гостей.

Меня слегка мутило, но в целом организм ограничивался лишь намеками на то, что неплохо бы еще часов десять полежать в отключке вместо того, чтобы изображать из себя горного к… нет, не хочу, пусть лучше будет какая-нибудь панда. Или они в этих холмах не живут?

Я медленно поднялся. На этот раз никто не пытался меня остановить. Если старший по званию считает, что уже готов встать в строй, так это только его решение и лезть с советами лишний раз не следует, если ты не доктор, конечно.

– Мне нужно подняться на эту вершину, – я указал на лысую верхушку ближайшей сопки по ходу движения. Ну как лысую… Там не росли деревья, зато трава и кусты вполне себе имели место, но обзор оттуда явно открывался получше, чем из низины.

– Игнатов, Никифоров, Нагулина, поступаете в распоряжение командующего, – не задавая вопросов, распорядился Лебедев. – Остальным продолжить движение.

Если бы я действительно полагался только на собственный слух, пусть даже уникальный, вряд ли мне удалось бы что-то разобрать в какофонии воплей местной живности, бурно радовавшейся жизни и азартно кушавшей друг друга в кронах кустов и деревьев, однако с вершины сопки кое-что удалось рассмотреть, даже не прибегая к услугам Летры.

По дну узкой долины, открывшейся нашему взгляду, телка неширокая и достаточно спокойная река с сильно заросшими берегами. Кроны деревьев

местами почти смыкались над водой, но кое-где имелись и просветы.

– Левый берег, три с половиной километра, прогалина в зарослях.

Солнце стояло высоко и светило нам в спины, так что бликов оптики можно было не опасаться, и Лена поднесла к глазам бинокль.

– Трое. Похоже, японцы. Тоже вышли осмотреться. Винтовка «Арисака-38», ручной пулемет «Тип 99»… а это еще что такое? – Лена протянула мне бинокль, но я лишь отрицательно качнул головой.

– Пистолет-пулемет «Тип 100». Экзотика. В регулярных войсках пока почти не встречается, но небольшими партиями выпускается уже больше года.

– Похоже, серьезные ребята, – негромко произнес Никифоров.

– Их там не меньше трех десятков, и это не единственный отряд.

?

– Корф, ты не находишь, что эти китайские самолеты оказались какими-то уж слишком крепкими и злыми?

– Их осталось не так уж много, – пожал плечами зам по вооружению.

– Но и японцы потеряли почти две сотни истребителей. Четыре к одному!

– Когда в бою встречаются машины разных технологических поколений, бывает и хуже.

– Вопрос в том, откуда они здесь взялись? – раздраженно произнес командир эсминца. – Что-то мне подсказывает, что тут не обошлось без передачи аборигенам кое-каких наших технологий зараженными с базы на спутнике. Вычислитель, мне нужна оценка вероятности вмешательства.

– В моей базе знаний отсутствует алгоритм анализа подобных ситуаций. Для этого нужен специализированный пакет нейронных сетей. Им оснащаются только научные станции в системах, принадлежащих слаборазвитым цивилизациям.

– То есть у этих, на спутнике, такой пакет есть?

– Должен быть, но только при условии, что центральный вычислитель базы уцелел.

– Значит, сказать, передавали ли они аборигенам технологии ты не можешь?

– Не могу, но в юридической базе данных есть пакет инструкций для научных баз, подобных этой. Им запрещено вмешиваться в развитие изучаемых цивилизаций.

– Ты что, не видишь, что творится? Они же зараженные! Плевать они хотели на любые инструкции!

– У меня нет ни данных, ни алгоритмов для ответа на ваш вопрос и оценки достоверности ваших утверждений. Это выходит за рамки моего функционального предназначения.

– Бессмысленное железо, – немного остывая, ругнулся Хирч.

– Командир, разрешите…

– Слушаю, – Капитан-лейтенант перевел взгляд на начальника инженерной службы.

– Мне представляется, что дело тут не только и не столько в технических характеристиках этих самолетов, сколько в том, кто руководит действиями пилотов и наводит их на цели. Наш вычислитель, конечно, может ответить далеко не на любой вопрос, но, если двигаться последовательно и не грузить его слишком сложными задачами, требующими творческого подхода, он может оказаться весьма полезным.

– Можно ближе к делу, лейтенант?

– Вводная часть уже закончилась, командир. Так вот, я провел анализ действий китайских летчиков в ночном бою с японскими кораблями, и результат получился очень интересным. Во-первых, эти машины не оснащены радиолокаторами, а значит, найти в ночном море авианосец и эсминцы они бы просто не смогли. Никак! Это натолкнуло меня на мысль, что наши оппоненты все же передают диким зараженным какую-то информацию, причем поддерживают они противников Японии.

– Допустим, – кивнул Хирч, – продолжайте.

– А дальше я попытался понять, могли ли текстовые «советы с орбиты» помочь китайским летчикам потопить авианосец и один из эсминцев? И ответ получился однозначным: не могли! Можно вывести авиагруппу на цель, но как помочь пилотам в условиях ночи попасть свободнопадающими бомбами в интенсивно маневрирующий корабль при активном противодействии зенитной артиллерии и авиации? Ответ, на самом деле, очень прост. Это можно сделать только находясь в кабине ведущего бомбардировщика и имея возможность пользоваться всеми техническими средствами сканирования, позиционирования и наведения, предоставляемыми спутниковой группировкой.

В помещении командного поста эсминца повисла тишина. Хирч некоторое время молча смотрел на начальника инженерной службы, после чего усмехнулся и встал с кресла.

– Вы хотите сказать, что кто-то из персонала научной базы действует на поверхности планеты?

– У меня нет другого объяснения тому, что мы видели, – по голосу и выражению лица инженера чувствовалось, что он искренне убежден в верности своих выводов, – да и дальнейшее поведение китайских пилотов говорит в пользу этой версии. Один из их самолетов, причем, заметьте, именно он возглавлял ночную атаку, получил значительные повреждения и не мог держать скорость всей группы. Военная целесообразность требовала оставить поврежденную машину и уходить на максимальной скорости. В крайнем случае можно было выделить один-два истребителя для сопровождения попавшего в неприятную ситуацию товарища до китайского берега. А что сделали они? Поступили в точности

наоборот! Отправили на аэродром только самолеты, имевшие незначительные повреждения, а остальная группа осталась охранять единственный с трудом летящий самолет. Мало того, вскоре им на помощь прибило еще полсотни истребителей-бомбардировщиков! Потом они без всяких сомнений вступили в бой с трехкратно превосходящими силами японцев и упорно обороняли участок берега, над которым катапультировался пилот того самого поврежденного самолета. Кстати, именно он уложил в «Дзуйкаку» первые две бомбы, наведя на цель остальную группу.

– Очень любопытно… – Хирч заложил руки за спину и сделал несколько шагов, задумчиво глядя на голографическую проекцию Тихоокеанского региона планеты, – И где он сейчас?

– За сбитыми в воздушном бою пилотами прибыла группа парашютистов, десантировавшихся с транспортного самолета. Они нашли несколько выживших летчиков и сейчас движутся по труднопроходимой местности вглубь континента. Скорость движения невелика, у них трое раненых.

– Нашего главного фигуранта они нашли?

– Скорее всего, да, иначе они бы до сих пор обшаривали побережье. Вероятно, это один из раненых, которых они несут на носилках.

– Я полагаю, японцам будет очень интересно узнать, что у них все еще есть шанс добраться до виновника их последних неприятностей, – усмехнулся Хирч, – а мы понаблюдаем. Если это и впрямь зараженный с научной базы, он не даст им себя сожрать, но при этом будет вынужден засветиться. Ваша версия, лейтенант, кажется интересной, вот только, не проверив ее еще раз, я не стану рисковать людьми, нас и так слишком мало. А вот если ваши предположения подтвердятся, нужно будет заполучить этого зараженного к нам в гости и с соблюдением всех необходимых предосторожностей плотно побеседовать с ним о том, что здесь произошло и почему крейсер «Адмирал Кун» сейчас печально вращается вокруг спутника этой убогой планетки в виде космического мусора. Думаю, он многое знает о том, какие системы противокосмической обороны сохранились на спутнике, и есть ли там боеспособные корабли.

– Неужели и для нас появится работа? – невозмутимо произнес командир десантной секции. – А я все думал, как же это получается, что сценарием учений

не предусмотрено задач для моих людей. Катаемся пассажирами и сходим с ума от скуки в бесконечных тренировках…

– Готовьте десантный бот, лейтенант Кри. Проверка проверкой, но я почти уверен, что наш инженер прав – работа для вас действительно вырисовывается, причем непростая. Корабль я в систему не поведу. Выйдем из прыжка за пределами внешнего пояса астероидов, а дальше вам придется идти своим ходом в режиме максимальной маскировки.

– Неделя в этой консервной банке? – усмехнулся командир десантников, – мои парни засиделись на корабле и готовы хоть месяц провести в десантном боте, лишь бы потом появилось хоть какое-то разнообразие. Разрешите приступить к подготовке?

?

– У меня сложилось впечатление, что японцы сами решили нам показаться. Это загонщики. Они хотят, чтобы мы не задерживались и ломились вперед, пытаясь от них оторваться, – сообщил я Лебедеву в конце рассказа о том, что мы увидели с верхушки сопки. – Впереди наверняка засада.

Карта у Лебедева имелась, но ее качество, мягко говоря, оставляло желать. Начать с того, что она пестрела иероглифами. Стоило полковнику раскрыть планшет, как откуда-то из-под его руки вынырнул наш низкорослый китайский проводник, впился взглядом в мешанину изогипс, условных значков и подписей и ткнул пальцем в некую точку.

– Мы стес! – гордо произнес китаец и растянул губы в улыбке.

– Спасибо, товарищ Лян, кивнул полковник.

Летра немедленно наложила на изделие китайских картографов сетку понятных мне обозначений и с помощью режима дополненной реальности отметила расположение японских отрядов, ну а я, конечно же, сразу облек эту информацию в слова и озвучил ее Лебедеву, щедро сдобрив свои откровения всяческими «вероятно», «по моим прикидкам» и «я бы на месте противника…». Китаец, кстати, наше местоположение указал достаточно точно.

Ситуация быстро менялась, и если еще час назад я считал, что три японских отряда – это всё, что нам угрожает, то теперь стало очевидно, что японцы решили ни при каких обстоятельствах не дать нам уйти.

Судя по наличию на китайском берегу сразу трех разведывательно-диверсионных групп, Императорский флот готовил масштабную десантную операцию, и нас угораздило попасть как раз в район, запланированный японцами для высадки. История с потоплением «Дзуйкаку» и последующим воздушным сражением взбудоражила командование противника и заставила его ускорить подготовку операции. Корабли с морской пехотой, конечно, не могли подойти к китайскому побережью в столь сжатые сроки, но у японцев имелись и воздушно-десантные силы, причем отдельно флотской и армейской подчиненности. И сейчас армейские «тэйсин сюдан» уже грузились в транспортные самолеты на аэродроме Карасеха?ра в восточной части острова Кю?сю, а морские «кайгун кутэй» готовились к вылету с базы Йоко?суга на берегу Токийского залива.

– Иван, разворачивай рацию, – приказал Лебедев, – без поддержки с воздуха мы тут и пары часов не продержимся. Группе занять круговую оборону на склонах холма, с которого были замечены японцы. На вершину не лезем. Если противник наведет на нас авиацию, она станет очень удобным ориентиром.

Полковник делал все правильно. В сложившейся ситуации я тоже не видел других решений. Прорыв через ждавшую нас впереди засаду в узком ущелье, зажатом довольно крутыми склонами холмов, был чреват большими потерями, а попытка ее обойти скорее всего закончилась бы боем на неподготовленной позиции с непредсказуемым результатом. Мятежники снабжали японцев информацией о наших действиях, и я ничего не мог с этим поделать, так что двигаться дальше мы могли только после того, как генерал Кудрявцев расчистит нам путь.

Проблема заключалась в том, что после воздушного сражения над китайским побережьем у Кудрявцева осталось меньше двух десятков боеспособных самолетов. Нет, вернулось из боя гораздо больше машин, но многие из них имели повреждения и до их устранения не могли участвовать в вылетах. Теоретически, этого могло хватить. В конце концов, выжечь бомбами объемного взрыва японскую засаду и преследующие нас отряды не слишком сложная задача для летчиков, точно знающих, где находится противник и в какой именно

момент нужно сбрасывать бомбы. Другое дело, что японцы наверняка не станут сидеть на месте и ждать, когда им прилетит подарок с небес. Они начнут активно перемещаться, могут решить рассеяться или даже предпримут атаку, чтобы максимально приблизиться к нашим позициям, делая любой удар с воздуха крайне рискованным мероприятием. То есть поддержка авиации нам нужна не в виде разового бомбового удара, а на постоянной основе. Мы сможем относительно безопасно двигаться вперед только если над нашими головами все время будут висеть «Илы» Кудрявцева, мгновенно реагируя на любые наземные или воздушные угрозы. А вот на такую поддержку у генерал-майора сил может не хватить.

– Первая пятерка будет над нами через тридцать минут, – доложил Лебедев. – Трое с бомбами, двое в чисто истребительном варианте. Парни уже выруливают на взлет. Через час их сменит следующая пятерка, ну и дальше в том же порядке. Движение возобновим, как только увидим наши самолеты.

Огневой контакт с противником начался с выстрела Лены, снявшей неосторожно высунувшегося на берег реки японца. Поняв, что обнаружены, разведчики противника затаились в зарослях. Ответных выстрелов не последовало.

Пауза длилась минут десять, после чего отметки вражеских солдат на виртуальной карте пришли в движение, причем в сторону наших позиций все три японских отряда двинулись почти одновременно. У меня и раньше не было сомнений в том, что их действия координируются по радио, но теперь это стало совсем уж очевидным фактом, причем глушить японские передачи у Летры не получалось. Мятежники использовали ретрансляцию сигналов через свои дроны на орбите, защищая их средствами радиоэлектронной борьбы, не уступавшими по классу аппаратуре, установленной на наших научных сателлитах.

Из всех возможных вариантов японцы выбрали самый неприятный для нас – немедленную атаку всеми силами. В принципе, вполне ожидаемо. Это очень в их духе, прям в стиле кодекса бусидо? в его современном толковании. Только нам от этого как-то не легче. Если не считать раненых, то против почти сотни самураев, явно не впервые оказавшихся в этих местах, у нас десять диверсантов Лебедева, неплохо подготовленных, но не сказать чтоб особо привычных к боевым действиям в холмах, поросших субтропическим лесом, плюс трое летчиков, вообще не имеющих необходимых навыков, ну и я, которого сложно отнести к какой-либо категории. Видимость плохая, подобраться незамеченным противник может довольно близко, а в ближнем бою почти все решает

численность и плотность огня. Значит, будем мешать врагу приблизиться. Все же придется мне лезть на самую вершину, иначе между позициями не набегаешься.

– Капитан Нагулина, за мной!

Лена снайпер, и лучшая позиция для нее – рядом со мной, поскольку я тоже собираюсь вспомнить Умань и снова поработать по этой воинской специальности. Вершина холма утыкана какими-то кочками и вся заросла высокой травой, местами весьма колючей и обожающей цепляться за одежду. Есть и кусты, то есть удобных мест для пары снайперов более чем достаточно.

Японские отряды встретились, сомкнули фланги и теперь стягивают кольцо. Командиры подгоняют солдат. Они явно знают о том, что скоро здесь будут наши самолеты и хотят к этому моменту если и не завершить бой решительной победой, то сцепиться с нами на такой дистанции, которая сделает невозможной воздушную атаку. Ситуация дополнительно осложнется тем, что японские летчики тоже получили соответствующие приказы, и четверка армейских И-1 «Сокол» окажется над нами даже раньше машин Кудрявцева, а вот бомбардировщики и транспортники с воздушным десантом подтянутся заметно позже. Ну да ладно, сейчас не до них. Что я там сам себе говорил про плотность огня? Вот он, японский пулеметчик. Пыхтит, пробираясь вверх по склону через колючую растительность. Думает, с наших позиций его не видно. Правильно думает, только сканерам орбитальных сателлитов, да и моим имплантам, ветки и листья не сильно мешают…

Выстрел! Солдат падает и катится вниз по склону. Пулемет кувыркается вслед за ним. Я, вообще-то, не в него целился, а именно в пулемет, но пуля, видимо, чиркнула где-то об толстую ветку и слегка отклонилась. Выстрел! Утыкается лицом в склон офицер. Нет командира – нет энтузиазма у подчиненных. Смена позиции.

– Лена, добавь им туда десяток пуль. Плевать, что не видно ничего. Просто пусть поумерят пыл.

Чуть ниже по склону выдает несколько скупых очередей пулемет Никифорова. Патроны лейтенант бережет, но рисунок боя понятен и ему – подпускать японцев близко нельзя ни в коем случае. Выстрел! На этот раз офицер только

ранен, но это даже к лучшему – японцы командира не бросят.

У противника есть легкие минометы. Стрелять из них в зарослях они, конечно, не будут, но с берега реки или с небольшой лесной поляны вполне могут попробовать нас накрыть. Да и не просто могут, а уже собираются… Выстрел!

– Лена! Берег реки. На три часа позиция минометчиков!

– Работаю.

Выстрел! Японцы упорны и практически лишены чувства страха. Это как же надо промыть людям мозги, чтобы они искренне стремились умереть на поле боя? Стремились к смерти в бою сильнее, чем к победе! Старинный кодекс самураев такого, кажется, не требовал, а вот его современное прочтение, похоже, несколько изменило суть и смысл древнего учения.

Кольцо продолжает сжиматься. Это не обычная японская пехота, способная растеряться при гибели командира. Перед нами тренированные бойцы-диверсанты, умеющие действовать в подобных ситуациях. Оба наших пулемета бьют, уже не жалея патронов. Японцы отвечают в основном из винтовок, за их пулеметчиками я стараюсь внимательно приглядывать и пресекать их попытки прижать нас к земле. Успеваю, правда, не всегда. Выстрел! Трещат японские автоматы. Их у противника немного, но в ближнем бою и они могут наделать дел. Переключаюсь на них, но времени уже нет, на горизонте появляются новые цели.

В воздух взлетают сигнальные ракеты – на подходе истребители противника, и японцы обозначают для пилотов «Соколов» свои позиции и направление атаки. Воздушные цели заметно более опасны, чем японские автоматчики, и я переключаюсь на них. Привычное покалывание в ладонях подсказывает что биоимпланты успешно взяли на себя часть работы по наведению оружия на цель. Выстрел! Сюда бы сейчас тяжелый пулемет ДШК с его калибром двенадцать и семь и бешеной скорострельностью, но с таким же успехом я мог бы пожелать и счетверенную зенитную пушку. Впрочем, автоматическая винтовка Токарева АВТ-40 – тоже очень неплохая штука в умелых руках. Японские истребители не имеют брони. Защита летчика принесена в жертву скорости и маневренности самолета, а значит, моя цель – кабина пилота. Выстрел!

Два потерявших управление и врезавшихся в землю «Сокола» заставляют оставшуюся пару японцев отвернуть от цели в попытке понять, откуда по ним ведется губительный огонь. Я сразу переключаюсь обратно на приближающихся солдат противника. Снова возвращаться к воздушным целям мне уже не приходится – над вершиной холма проносится стремительный силуэт «Ила». Пилоты Кудрявцева прибыли очень вовремя, вот только их прискорбно мало. Стоп, а это что за чудо?

– Летра, доклад! Откуда на юго-западе дружественные метки?

– Не отвлекайся. Это авиагруппа Клэра Шеннолта «Летающие тигры». Американцы. Тебе привет от мистера Рузвельта.

– Их же сейчас наши за японцев примут и рвать начнут!

– Не начнут. Шеннолт согласовал свои действия с Кудрявцевым через штаб Чан Кайши.

Рядом со мной падает в траву радист Лебедева.

– Товарищ командующий! На связи генерал Кудрявцев. Запрашивает цели для американских союзников.

– Давай сюда! – мое лицо расплывается в хищной улыбке. – Генерал, здесь Нагулин!

– Товарищ командующий, американцы просят указать цели.

– Пусть перекроют подходы с северо-востока. Я жду оттуда транспортные самолеты с японским воздушным десантом в сопровождении истребителей. Оттуда же могут подойти и бомбардировщики. Японцы готовят большую десантную операцию, и это ее начало. Пусть союзники ими займутся. Нам здесь только парашютистов не хватало, от местных-то энтузиастов с трудом отмахиваемся.

– Принял, – отвечает Кудрявцев и отключается, а я перевожу взгляд на радиста.

– Иван, с «Илами» связаться можешь? Надо навести их на наземные цели, пока новые истребители не налетели. Предыдущих-то они, вроде, уже разогнали.

Какими бы сильными духом ни были японцы, но предел прочности есть у всех. Бомбы объемного взрыва и пушечные очереди в спину заставляют их прекратить атаку и начать беспорядочный отход. Дорога впереди свободна.

У нас еще пятеро раненых, из которых троих нужно нести. Вот теперь мы точно ходячий госпиталь, однако сидеть на месте нельзя. Мы спускаемся с холма и идем вдоль русла реки. «Илы» уходят в направлении Чунцина для дозаправки и пополнения боезапаса, но их тут же сменяет другая пятерка. Минут через тридцать низко над нами пролетает американский P-40 «Уорхоук», тянущий за собой хвост черного дыма. Немного в стороне виден еще один поврежденный самолет – союзники явно не скучают. Надо будет непременно передать мистеру Рузвельту мою искреннюю благодарность за своевременную помощь и слетать в Куньмин в гости к «Тиграм» вместе с моими орлами. Будем проставляться и крепить боевое братство.

– К вам гости, – в явно повеселевшем голосе Летры я слышу легкую усмешку.

Разворачиваю перед глазами виртуальную карту и вижу еще несколько дружественных отметок прямо по ходу движения отряда. Вот уж не ожидал! Мы все еще идем по берегу реки, а километрах в семи выше по течению нам навстречу движутся четыре больших моторных лодки самого странного вида. Я даже не знаю, как назвать эти конструкции, но, судя по всему, здесь ЭТО считается боевыми катерами. Вон даже пулеметы на носовых оконечностях видны.

– Это китайцы, – поясняет Летра. – Спецназ Чан Кайши спешит на помощь союзникам.

?

Капитан-лейтенант Хирч оторвал взгляд от тактической голограммы, воспроизводившей запись недавно завершившегося боя. Все девять минидронов, выпущенных на орбиту планеты дикарей автоматическим разведчиком, собрались над побережьем восточно-китайского моря, так что сражение удалось

рассмотреть во всех подробностях.

– У кого-то еще есть сомнения? – Хирч обвел взглядом офицеров эсминца.

– Ни малейших, – ответил за всех зам по вооружению. Так стрелять из примитивного ручного оружия по быстро движущимся, а зачастую и вообще закрытым листвой целям может только боец, имеющий биоимпланты и прямую связь с орбитальной группировкой. У диких такого не может быть в принципе.

– И он там один, это тоже очевидно, – добавил старший инженер.

– Лейтенант Кри, ваши люди готовы? – Хирч развернулся к командиру десантной секции.

– Готовы, командир, и ждут только приказа.

– Командуйте лейтенант. Разработка плана захвата объекта лежит полностью на вас. Дроны на орбите будут работать исключительно в интересах вашего отряда. Покинуть эсминец вы должны немедленно после нашего выхода из прыжка на границе внешнего пояса астероидов. Сбросив бот, корабль отойдет глубже в космос и вернется к границам системы только чтобы подобрать вас после выполнения задачи. Вопросы?

– Разрешите выполнять!

– Разрешаю, – кивнул Хирч и развернулся к первому пилоту. – Расчет прыжка готов?

– Можем начинать разгон, командир.

– Приступайте. Пора внести ясность в то, что здесь происходит.

Глава 5

– Товарищ Сталин, на Ленинградском фронте противник применил новые танки, – маршал Жуков решил начать доклад с наиболее тревожной новости. – Немцы сумели нас неприятно удивить. Вперед эти тяжелые машины не лезли. Заняли позиции на склонах высот примерно в километре от наших окопов и поддерживали свои более легкие танки и пехоту. Ни сорокопятки, ни 57-миллиметровые ЗИС-2, ни танковые пушки Т-34 их с такого расстояния не берут, зато сами они пробивают броню наших танков без всяких проблем. Остановить атаку противника удалось только массированным применением штурмовой авиации, но первую линию обороны немцы все же прорвали.

– Что еще известно об этих танках? – Сталин тяжело взглянул на маршала.

– По самой приблизительной оценке весят они больше пятидесяти тонн. Толщина брони в лобовой части корпуса вряд ли меньше ста миллиметров, иначе немцы не вели бы себя так нагло. Калибр пушки около девяноста миллиметров. Скорее всего, это модернизированный вариант 88-миллиметровой зенитки. Ходовые качества сопоставимы с Т-4, хотя маневренность, пожалуй, похуже.

– Сколько их было?

– Четыре машины. Думаю, это только начало. Товарищ верховный главнокомандующий, войскам срочно требуются эффективные средства борьбы с новой техникой противника. Мы ожидали, что немцы сделают что-то в противовес нашим КВ и Т-34, но такого всё же предположить не могли. Возможно, с их броней справятся 85-миллиметровые зенитные пушки, но это крайнее средство – их и так вечно не хватает для противовоздушной обороны.

– Товарищ Жуков, ознакомьте с этой информацией товарищей Морозова и Устинова. Сегодня вечером мы еще раз вернемся к этому вопросу, а пока продолжайте доклад. Меня интересует, как идет подготовка к наступлению на Киев.

?

Мы все дальше продвигались на запад. При всей сомнительной боевой эффективности китайских речных катеров помощь людей Чан Кайши оказалась очень кстати. Нас разместили на палубах, и раненые, наконец смогли отдохнуть

от постоянной тряски. Кроме того, их немедленно осмотрел пожилой китаец, представившийся нам полевым хирургом. Врач относительно сносно говорил по-русски. Во всяком случае, понять его было можно. Оказав необходимую помощь наиболее тяжелым пациентам, он занялся мной.

Китаец аккуратно снял повязку, осмотрел рану, что-то осторожно ощупал, наблюдая за моей реакцией, и лишь молча покачал головой. Обработав рану и вновь наложив повязку, доктор уселся напротив меня на низкую скамью и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Как фы сепа чуфстфуэтэ?

– Заметно лучше, чем сразу после ранения, – я слегка пожал плечами.

– Кокта это случилос? – китаец указал глазами на мою рану.

– Ночью. Зенитный снаряд взорвался рядом с кабиной моего самолета.

– Фы летчик?

– Да.

– И фы послэ этоко фели самолет?

– С большим трудом, если честно. Пару раз терял сознание, но ненадолго. Дотянул до берега и выпрыгнул с парашютом.

– Я фител расные раны, молотой челофэк… – китаец на несколько секунд замолчал и отвел взгляд в сторону. – Сейчас фсё фыклятет неплохо, но я хорошо понимает, как пыло ф началэ. Послэ таких утароф по колофе не фышифают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В реальной истории ночью 9 августа 1942 года в бою у острова Са?во эскадра вице-адмирала Микавы, состоявшая из семи крейсеров и одного эсминца. разгромила численно превосходившую ее эскадру крейсеров и эсминцев США и Австралии. Ни один японский корабль не был потоплен. Союзники потеряли четыре тяжелых крейсера. Еще один крейсер и два эсминца получили серьезные повреждения. Погибло 1077 австралийских и американских моряков. Потери японцев ограничились 58 погибшими. Три крейсера получили повреждения средней тяжести. Эта несомненная и яркая победа, тем не менее, не была использована вице-адмиралом Микавой для срыва высадки американских войск на остров Гуадалканал, хотя для этого имелись все предпосылки. Явно ошибочное решение не продолжать атаку и отступить было принято под влиянием опасений попасть под удар самолетов с американских авианосцев после восхода солнца. Микава не знал, что авианосное соединение противника покинуло зону боевых действий, понеся серьезные потери в палубных истребителях, и не воспользовался возможностью безнаказанно уничтожить транспортные корабли Союзников на якорных стоянках у берега Гуадалканала. В результате японцы упустили шанс кардинально изменить ход битвы за Соломоновы Острова и Новую Гвинею.

Купить: https://tellnovel.com/glebov_maks/kodeks-samuraya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити